

Ш(2Рос=Манс)
Т'22

АНДРЕЙ
ТАРХАНОВ
ВИДЕНИЯ
ПРОРОКОВ

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

новые стихи, избранные стихи

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ВИДЕНИЯ ПРОРОКОВ

Екатеринбург
Средне-Уральское
книжное
издательство
2011

—0139981—

ББК 8Р7Ма
Т22

Тарханов А.С.

Т22 Видения пророков: Стихи. — Екатеринбург : Сред.Урал. кн. изд-во,
2011. — 264 с. : ил.

ISBN 978-5-7529-0981-3

© Тарханов А.С., 2011
© Морозов А.А., иллюстрации,
дизайн, 2011
© Средне-Уральское книжное
издательство, 2011

Поэзия, идущая в мир

Есть разные пути создания национальной культуры: путь медленного и трудного развития, на который могут уйти десятки и сотни лет, в рамках национального герметизма. И есть путь синтеза — путь динамичного развития, путь использования богатств мирового художественного опыта для ускоренного подъема национальной культуры. Этим путем пошли такие выдающиеся мастера художественного слова, как киргиз Чингиз Айтматов и казах Олжас Сулейменов. Их творения — на русском языке, но во имя яркого развития национальных традиций, которые они поднимают на общечеловеческую высоту и придают им вселенский масштаб. К этой когорте писателей-новаторов принадлежит и мансийский поэт Андрей Тарханов.

А. Тарханов скупно отдаёт дань рекламе патриархальных обычаев. Его поэзия сильна устремленностью в сегодняшний день, в гущу мировых событий, сильна своей страстью понять и усвоить многоцветье жизни. Вот здесь-то и проявилась национальная самобытность Андрея Тарханова.

Помните, как определял Гоголь национальное? Он указывал, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа...».

У Тарханова есть такая национальность, свой удивительно своеобразный и неповторимый взгляд на мир. Он манси. Смысл его жизни и его поэзии – любовь к родному краю. Именно она является движущей силой, эмоциональным центром всех его художественных исканий. Вызовут несомненный интерес у читателей его стихи о проявлениях язычества в прошлой, отчасти и в нынешней, жизни, в быту, в природе своего мансийского народа, своих земляков. Эти произведения уникальны: так они свежи, своеобразны по образной структуре, стилистике. Сам поэт говорит о язычестве так: «Язычество у народов ханты и манси, — смею предполагать, что и у других северных народов и племен, — не религия, а душевное состояние человека, его одухотворенное, родственное отношение к природе. Да, были шаманы. Было поклонение идолам — воображаемым охранителям домашнего очага, символическим силам, дающим удачу на промысловых тропах. Такое наивно-деловое взаимоотношение напоминает детскую игру — только уже взрослого человека — со стихиями Природы. Более усовершенствованные, даже утонченные, игры человека с небом, с природой ведутся им, согласно временным изменениям, или интуитивно, или сознательно всю жизнь. Так было и будет во веки веков. Я давно пришел к выводу, что человек создан в космическом представлении в помощь природе — как ее высшее разумное существо. Если бы люди восприняли эту истину как ведущую, ключевую форму своей жизнедеятельности, то человечество сейчас процветало бы, а не задыхалось во многих проблемах, являющихся следствием негативных, ошибочных отношений людей и к природе, и друг к другу».

Поэзии Андрея Тарханова присуще редчайшее свойство — соединять простое и сложное, тысячелетнюю древность и современность, умение жить в двух временных измерениях, возвращать детскую улыбку человечества в современный тревожный и напряженный мир. Этот синтез в самом характере героя, это явление и делает поэзию Тарханова совершенно необычной, не похожей ни на одну другую. Она органически сочетает пластицизм и философичность, в ней одновременно есть качества лирики и эпоса.

В новой поэтической книге, «Видения пророков», Андрей Тарханов поднимается в своем мучительном самовосхождении еще на одну ступень выше.

В книге рядом с языческими строками эпического характера соседствуют превосходные лирические миниатюры:

*...но остался твой голос, твое сожаленье —
металлический шелест листвы тополей.*

Философские стихи как бы оттеняют светлую грусть и колодезную глубину исповедальных строф. Когда читаешь их, то чувствуешь, как наполняется душа радостью и восторгом, и хочется жить и петь. Наверно, такое ощущение бывает у альпинистов — покорителей вершин, у парящих птиц, когда они в полете пьют красивую и животворную синеву небес.

А теперь можно провести красную линию нашего разговора о новой книге поэта. Книгой «Видения пророков» Андрей Тарханов утверждает, что истинный исповедальный поэт и есть Пророк. Именно ему от Природы, от Космоса дано великое чувство предвиденья, предчувствия: что грядет, что случится, какие ожидают нас беды и радости.

Нет, Андрей Тарханов не возносит сам себя на пьедестал Пророка. Этим почетным правом на сей раз владеют его стихи. Они предоставили ему его законное место.

Андрей Тарханов доказывает на житейских примерах в стихах, что предвиденье, пророчество присуще и тем людям, чьи благородные покаяния, духовные муки в самосовершенствовании приводят их в конце концов к озарению, к открытиям духовных истин, которыми будет гордиться мир.

Настоящий поэт не просто описывает природу, он живет и творит по законам природы, он — ее голос. И это свойство — родовое свойство классической поэзии — у Тарханова есть. В стихах Тарханова образ всегда предстает в наиболее обнаженной и сокровенной сути. В наш век, когда в литературе так много искусственного, книжного, бутафорского, эта искренняя и чистая поэзия — бесценна. Тарханов пошел внешне против логики исторического художественного процесса, против моды. Но только так он и мог создать национальное искусство — как элемент искусства мирового.

*Константин Яковлев,
литературный критик*

*...Нигде нет пророку меньше чести,
как в Отечестве своем и в доме своем!..*

Из тринадцатой главы «Матфея»

Тревожный ГОЛОС КОСМОСА

* * *

Когда позыв звезды небесной
Касается моей души,
Не нахожу себе я места
Ни дома, ни в цветах межи.

И вот, предчувствуя спасенье
От непонятной маеты,
Стою в ночи,
                                жду появления
Своей загадочной звезды.

Ничуть, поверьте, не гадаю —
Она, а может, не она?
Звезду я сердцем ощущаю,
Она ко мне устремлена.

Она приходит в час желанный,
К ней тянется моя рука.
И заживает в сердце рана,
Уходит лютая тоска.

Звезда, свети мне в час тревоги,
Не забывай края мои,
Я буду знать,
                                что ты от Бога,
От высшей веры и любви.

Сентябрь

*Старинному другу —
Сергею Викторовичу Филиппову*

У сентября особый нрав,
И гром его боится.
За лето от трудов устав,
Он далеко таится.

У сентября талант творца
Задумчиво-святого.
Взгляд удивленного лица
Он взял у Глазунова.

Над Обью тучи в сентябре
Возводят замки грозно.
Они багровы на заре,
А в полдень тают слезно.

Струится зарево рябин —
Восторг души осенней.
И снова журавлиный клин
Мне дарит вознесенье.

Сгорает часть моей души —
И меньше в сердце страха.
И стану я в седой ночи
Любить, прощать и плакать.

1–12 сентября 2005 г.

Голос Космоса

*Известные поэты советской поры
Вадим Кузнецов, Геннадий Серебряков,
Борис Примеров не приняли смутную
демократическую власть. Они и поэт-
фронтвик Юлия Друнина избрали путь
жертвенности. Да святятся вечно их
светлые трагические имена!
В честь них эти стихи*

Придя на поляну полночную,
Никто в этот час не поет,
Картину бессмертную, звездную
Увидел —

горит небосвод.

Нет боле виденья пленительней,
Чем этот вселенский запах.

И Космоса голос живительный,
Похоже, таится в лучах.

И чувствую каждую клеткою, —

В порыве мое существо, —

Я стал, видно, дерева веткою

На самой вершине его.

И слышу я голос-послание

Из ваших глубин, небеса:

«Есть высшее в мире деяние, —

Есть жертвенность в жизни творца».

7 октября 2009 г.

Остров Мáргит

*Памяти венгерского поэта,
замечательного друга югор-
ских писателей Анны Беде*

Остров Маргит посреди Дуная,
Для мадьяр ты — как посланец рая.
Здесь отели, корты, клубы, даже
Желтовато-сахарные пляжи.
Здесь ходили мы с тобою, Анна,
День-художник к нам имел вниманье:
Рисовал лучами, облаками,
Набегавшими с реки волнами, —
Твоего искал он обожанья,
Нежная, улыбчивая Анна.

Остров Маргит полюбили клены,
Нет для них заботливее дома.
Тут нужны в любое время года
Взгляд и пониманье садовода.
Видят с высоты почтенной клены
Иероглиф каждого затона.
Вот затон — как звонкая подкова,
Чуткий знак таинственного слова.
И затон зовет поэта Анну,
Анна разгадала эту тайну, —
От душевных ран и после сечи
Остров красотой поэтов лечит.
И колокола над ним утрами
Благовестят вместе с небесами.

11–14 ноября 2009 г.

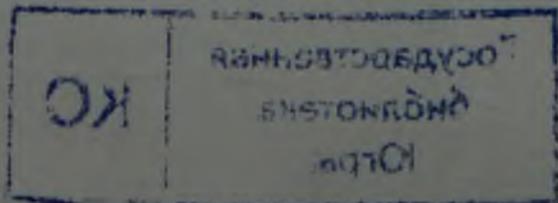
* * *

Ковш Медведицы черпает тьму,
И колодец бездонный пустеет.
Удивляются совы ему:
Ради солнца он сил не жалеет.
Слышу музыку я в небесах.
Ковш сияет:

        работа — к исходу.

И глухарь на бордовых ветвях
Снова славит явление восхода.
Небосвод за деревней ясней.
Утро каждое неповторимо.
День сегодняшний —
        лучший из дней.
Как он трудно родился, любимый!

1977 г.

В пустыне Регистан

*Александру Андреевичу Проханову —
писателю и патриоту*

Иду один.
Военная дорога.
Иду один.
Пустыня Регистан.
По воле долга и по воле Бога
Иду навстречу тайнам и врагам.

Красна, как Марс, афганская пустыня,
Я, как цветок, живу пока на ней.
Я сто шагов имею по долине
От жизни
и от боевых смертей.

И чувствую порывы скал и ветров,
И в душу принимаю неба зов.
И значит, есть пророчество поэта,
Значение его ранимых слов.

Они порой сильнее страшной муки,
Они возносят часто к небесам.
Я не хочу лежать, раскинув руки,
В твоих песках, пустыня Регистан.

24–25 сентября 2010 г.

— 0139981* (17)

Государственная
библиотека
Югры

КО

Апрельские открытия

*Неправомерно говорить о принципиальном
отличии человека от других форм жизни.*

И он, и они — суть одно.

Современные философские выводы

Апрель загадки шлет ночами.
Не всё нам отгадать дано.
И верба желтыми глазами
Глядит опять в мое окно.
Она зовет, и — настезь двери,
Поклон вам, верба, и скворцы,
И звонкогорлые ручьи!
Я вашим жестам, чувствам верю, —
Вы дома и семьи частицы.
А рядом глухоманный бор.
Он тоже хочет породниться,
Зовет меня на разговор.
По краю бора сплошь осинник,
Кора его — как в серебре.
Она дает сохатым силу,
Есть соки жизни в той коре.
А для меня есть первоцветы
У вербы, у лесной межи,
И ласки милой на рассвете,
Сиянье неба для души...
Последний талый снег слетает,
Упруги ветки, льнут к губам.
Их аромат напоминает
Духи испанские для дам.
Звенит ледок — хрусталь бокала.
Как чуток в полудреме бор!
Хвоинки вдруг затрепетали —
И грянул песню птичий хор.

17 марта 2009 г.

Признание поэта

Я знаю, где живут печали,
Они мои,
        спешу на зов.
Как оскудели эти дали!
Где кедры?
        Где отцовский кров?

Деревни Аманьи не стало,
Мне впору на колени пасть...
А там — на площадях и в залах —
Политиканы делят власть.

О, злые всходы бескультурья!
Плоды невежества и лжи!
На позолоченные стулья
Садятся ловкие ханжи.

Нагрянул час комедиантов.
Но для страдающей страны
Нужны высокие таланты,
Сейчас подвижники нужны.

Они придут в свой час, Россия,
Пусть торжествует до поры,
Мечами машет злая сила,
В Кремле пируют лжецари.

13 декабря 2003 г.

Взаимосвязь

Все звуки мира тянутся ко мне.
Я слышу —
    треснул камень на Луне.
На Марсе,
    где когда-то жизнь цвела,
Сегодня буря рыжая прошла.
И стало душно сердцу —
    и во сне
Увидел крокодила на сосне.
Однажды ночью гром меня позвал.
По озеру ходил сердитый вал.
И молнии кричали на меня.
Сгорел амбар шайтанский —
    понял я.
Назавтра дом отцовский запылал,
На пепелище молча я стоял.
Не уберег амбар —
    пришла беда.
Да будет новая в миру изба!
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звезд, священного жилья!
Она и есть основа бытия.

Слово о друге

*Константину Яковлеву, литературному
критику Божьей милостью*

Ты потерялся, друг мой Костя,
На чужедальнем берегу.
Твой лик — как имя на погосте —
На фото нежно берегу.
Сидишь печально близ пустыни,
И море Красное вдали.
Но видишь край сибирский синий,
Где песней плачут снегири.
Был с кедром схож,
Ты возвышался
Над нами статью и душой.
Ах, как ты словом восторгался!
Жил найденной в стихе строкой.
Ты раны чувствовал поэтов,
Нас от клевет оберегал.
Любили все тебя за это,
Я в беды лишь тебя искал...
В дни лихолетья для державы
Покинул ты с женою Крым.
Стал для нее Израиль раем.
Ты тосковал и стал угрюм.
Ты звал меня, дружище, в гости.
Хотел вернуться в отчий край.
Но... потерялся. Где ты, Костя?!
Не говорю тебе — прощай.

28 июля — 3 августа 2009 г.

* * *

Маме Клавдии Гавриловне

Я всё удивляюсь тебе, моя мама, —
Забот у тебя, словно елок в бору.
Но ты улыбаешься тихо глазами —
И солнце смеется тебе поутру.
Наверно, оно потому и восходит,
Что ты есть на свете —

помощник его.

И лунно картофель цветет в огороде,
Буренка несет нам с лугов молоко.
И ветер умчался от нас ураганный,
Когда ты рукой ему знак подала...
Ах, как ты нужна мне сейчас, моя мама!
И буря бы стихла,

тоска бы ушла.

* * *

Памяти сестры Нины

Ты явилась ко мне издалёка,
Ты из детства явилась в мой сон.
Только в небе есть эта дорога,
Я от бабушки слышал о том.
В белом платье с ромашками поля,
И веселая,

                    больно глядеть.

И зажмурился я поневоле,
Чтоб получше тебя рассмотреть.
Но тебя уже нет.

                    Я проснулся.

Потрясенный виденьем, лежал.
Я во сне, видно, в небо поднялся,
Очень я по тебе заскучал!..
Почему мы живем не прощая,
Не жалея друг друга в миру?..
Так и было у нас,
Я, страдая,
Одинокó сегодня живу.

9 апреля 2009 г. Раннее утро

* * *

В судьбе природы — наша судьба.

В. Распутин

Долина¹ нынче оскудела —
Нет ярких молодых цветов,
И тихо между берегов,
Нет звонких озорных ручьев.

Не позавидуешь судьбе
Вогулки — речки своенравной:
Она бежит теперь в трубе,
Течет покорно и печально.

Молюсь, что кедры наши целы
И жив священный великан².
Спешу к нему я раз в неделю,
Здесь у него свой строгий стан,
Он верит только небесам.

Спешу к нему.
Душа открыта,
Но нету радости, как встарь,
Как будто в храме позабытом
Ищу спасительный алтарь.

Вогулка, чудная Долина —
Все это память юных дней.
Я прихожу сюда повинно,
Я в душу взял вину людей.

1–9 июля 2010 г.

¹ Долина — имеется в виду Долина ручьев в Ханты-Мансийске.

² В Долине есть священный кедр.

Письмо Федору Ивановичу

*Федору Ивановичу и Татьяне Дмитриевне
Клиндуховым — с любовью*

Покидаем дома и родные поляны
И уходим с надеждой в чужие края.
Но счастливыми там мы, конечно, не станем,
И сидим на завалинках, думу тая...

Ты покинул Ачимово, Федор Иванович,
По судьбе,
нет вины у тебя пред собой.
Нынче был на лугу ты задумчивым рано,
Вспоминая минувший свой мир непростой.

Ты на озеро долго глядел у дороги,
В палисаде к сосенке прижался щекой.
Был я рядом с тобою по таинству Бога,
Я ведь тоже прощался с деревней, с тобой.

В этом доме твоим дни любви и восторга
С голосами детей отзвенели, прошли.
И прощаться нам, Федор Иванович, горько, —
Нет радости больше в запасе души.

Вижу — дочь твоя Тоня бокал поднимает:
— Папа, мама, вас помним и любим всегда.
И как мужа меня за столом обнимает.
А за окнами в небе сторела звезда...

Над Ачимово дождик осенний гуляет.
Нет прохожих,
печалится окнами дом.
Даже ночью душа этот дом вспоминает,
Мнится — машет и машет он синим платком.

18–19 октября 2004 г.

Врач

*С великой благодарностью врачу
Ирэне Филипповне Щепеткиной*

Я зрю Природы мрачные ущелья,
Огонь вулканов, праздник вод морей.
Летают, будто вороны, поверья
И страхи грешных в суете людей.

Слаб человек,
        он вечно чем-то болен,
Виновник сам житейских неудач.
И потому Всевышний беспокоен.
Из нас любому нужен мудрый врач.

Лечить людей — священная дорога, —
Их души понимая, плоть крепя.
И врач порою —
        как посланец Бога,
Приносит в жертву он порой себя.

Есть знания в миру —
        от века к веку,
Их надо разгадать нам в письменах.
Подвластны тайны воле Человека,
Его уму, сиянию в глазах.

Есть дар врача на трепетное слово
И на чутье, на чувства — дар Творца.
Лик радостный спасенного больного
Сам озаряет души и сердца.
Достоин врач лаврового венца.

10 августа — 7 сентября 2010 г.

* * *

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам нужно взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте —
К доверчивости и доброте!
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

1979 г.

* * *

*Коля, сын И.А. Бунина, родился гением,
он говорил стихами. Им восхищались, его
любили все. Он умер в пятилетнем возрасте.
Передо мной его фотография...*

Цветок цветет в руках у Коли.
И взгляд —
    в глубь неба обращен,
Как будто Коле
    нынче больно,
Объят тревогой странной он...
Не разгадать нам взгляд ребенка,
Он не для нас,
    он далеко.
Но Некто, чувствующий тонко,
Не мог не уловить его.
И понял —
    вновь родился гений,
И озарил его испуг:
Ведь этот гений,
    вне сомнений,
Не вынесет душевных мук
В стране людских страстей и горя,
В стране, мятежной по судьбе.
И этот Некто в небе горнем
Взял Колю ангелом к себе.

22–25 июля 2007 г.

Звездный час

*Памяти поэта-друга
Анатолия Кукарского*

Звездный час.
Небесный мир распахнут.
Он зовет меня к себе, зовет,
И лучи черемухою пахнут,
Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли угарной:
Столько лжи, жестокости кругом!
И на оклик станции радарной
Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда — горькая калина,
Эта горечь —
                                крик души живой.
И гасить огонь в родных борунах¹
Я с планеты прилечу другой.

1987 г.

---

¹ Боруна — небольшой ягельный бор.

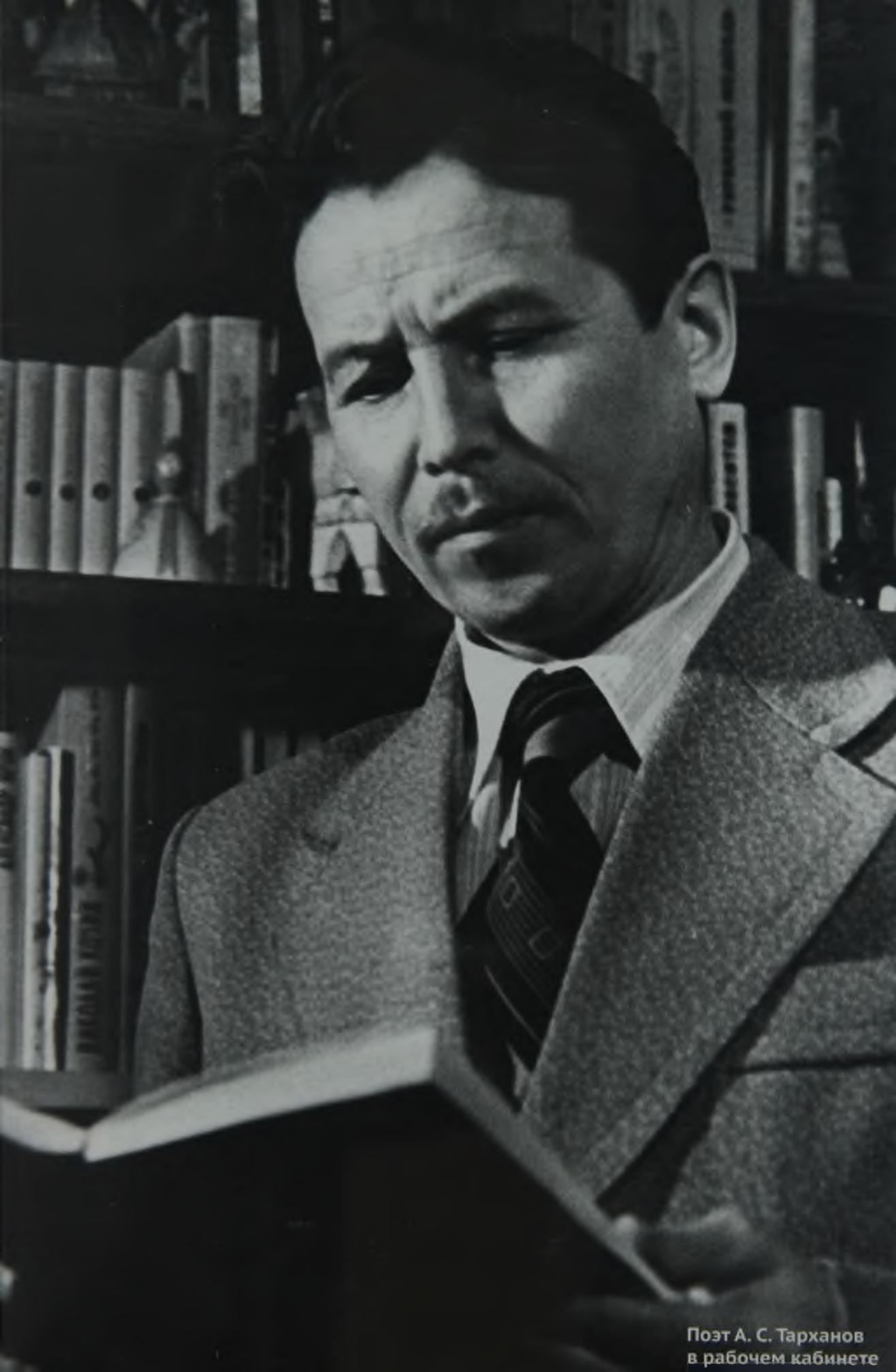
Судьба

*Удивительному поэту
Глебу Горбовскому*

Я всю дорогу был наивным:
Судил о людях по себе.
И приходилось быть двужилым,
От бед спасаясь по Судьбе.

Еще осталась в сердце нежность
К природе, к женщине, к стихам.
Но почему печально Вечность
Взгляд поднимает к небесам?..

10 января 2009 г.

Поэт А. С. Тарханов
в рабочем кабинете

**В командировке.
У оленеводов под Березово**

**Оленевод Георгий Ларионов
с сыном Вовкой**

На Ай-Пиме у испытателей. Ловля окуней, 1978 г.

А.С. Тарханов в Долине ручьев,
Ханты-Мансийск

Берем клюкву вблизи
Березово. Конец 80-х годов

Морошка – любимая ягода

Священное место – могилы декабристов на тобольском Завальном кладбище. На снимке: Борис Галязимов, Андрей Тарханов, Микуль Шульгин, Роберт Рождественский и др.

Венгерская поэтесса и переводчица Анна Беде, Андрей Тарханов и хантыйский поэт Микуль Шульгин. Дни советской литературы в Югорском крае

В редакции газеты.
Интересный материал, 1965 г.

С венгерским поэтом Михаем Шимони,
Ханты-Мансийск

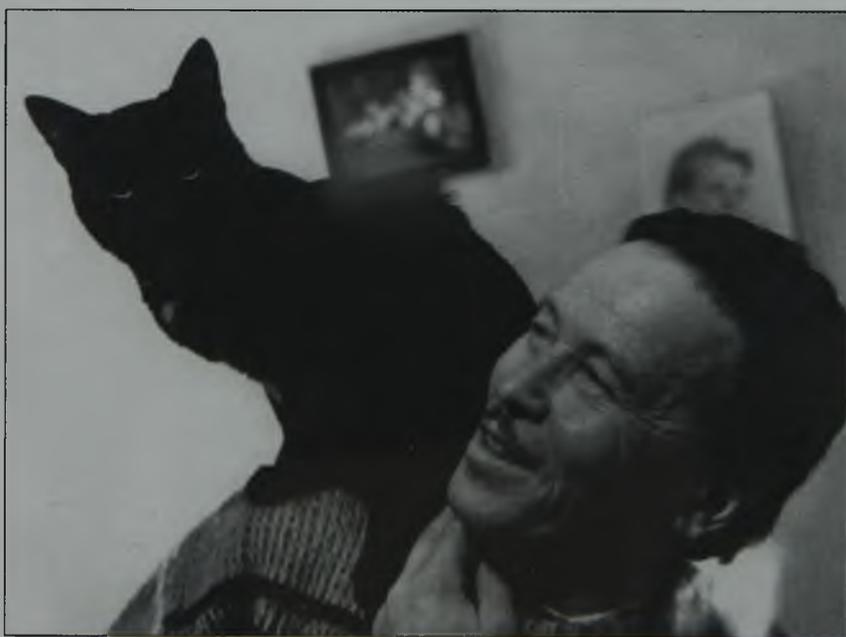
Андрей Тарханов выступает на вечере, посвященном памяти поэта Анатолия Кукарского

Выступление в Ханты-Мансийском педучилище, 2000 г.

С главным редактором журнала «Дон» В. Петровым на XI съезде писателей России, 1994 г.

Любимый кот Принц

С писателем Евгением Богдановым на съезде писателей РСФСР в Москве

Последний съезд писателей
РСФСР, 1990 г.

С ленинградским писателем Ильей Фоняковым
у Тобольского театра – уникального сооружения
деревянного зодчества

**С писателями
на съезде.
На заднем плане
Валентин Распутин,
рядом Исхак Машбаш,
адыгейский поэт**

**Во время юбилея
Андрея Тарханова.
В центре композитор
Михаил Довганич**

**С композитором
Юрием Клепаловым**

**С другом – кубанским поэтом
Виктором Жорником**

Поэт Андрей Тарханов

А. Тарханов с писателями С. Козловым (слева) и К. Гурбановым

**Совещание работников культуры в Ханты-Мансийске.
Крайний слева – художник Владимир Кукушкин**

Полночная душа

Другу

Александру Константинову

Меж сосен рыжих банька,
Темна и горяча.
Ее хозяин Ваня —
Полночная душа.
И силы, и смекалки
Ему не занимать.
Сюда после рыбалки
Спешит.

Знобит зима.

А банька жаром пышет,
А банька весела.
И филин зрит над крышей,
Как верная жена.
Дом пятистенный рядом.
Варвара лад блюдет —
Хозяйка и отрада
К столу Ванюшу ждет.
Спят близнецы-сыночки.
Полночный час настал.
Глаза пылают волчьи,
Иван на них чихал.
Предбанник — рай от жара,
Скамейка широка.
Здесь любит спать Варвара,
Услада велика.
Гуляет веник в баньке,
Стонали кости чтоб.
И вылетает Ваня,
И падает в сугроб.
Бледна луна от страха,
И слышит небосвод
От Вани крики-ахи,
Трет снегом грудь, живот...

Имей такую баньку —
И сколько хошь живи
Без брани и без пьянки —
Для радости, любви.

12–13 мая 2007 г.

* * *

Ради новых сомнений живу, —
Я на голос ответственю вещей, —
Ради новой росы на траву,
Ради нового взгляда на вещи.
Потому улететь не боюсь
На орбиты космических высей.
В бесконечности той повторюсь
Благородными генами мыслей.

* * *

О, сколько выстраданных слов
В душе, о Боже!
Крик неродившихся стихов,
Крик неродившихся детей —
Одно и то же.

* * *

Черные горные пчелы
Утром ко мне прилетели.
Я их не ждал, испугался,
Окна скорее зашторил.

Черные горные пчелы
Долго стучались, шумели,
Что-то сказать мне хотели.

Черные горные пчелы
Грустно к себе улетели.
Я, человек, их не понял.

Вечером роща сторела.
Ночью в заливе штормило.

* * *

В центре города роща берез.
Льдистый снег принакрыла пороша.
Я любовь свою в рощу принес,
И она стала миру дороже.

Прилетели сюда снегири,
Даже сойки сюда подоспели.
И поверьте, от света души
Сразу ветви берез потеплели.

Видно, нужен я роще берез.
Здесь свиданье порой назначаю,
Незнакомку по-царски ласкаю,
Слыша эхо летящих к нам гроз.

Значит, держит душа моя связь
С небесами, с позывами Марса.
Роща полнится звуками вальса —
То ликует весенняя страсть.

26 апреля 2004 г.

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет сколько хочет —
Этот чужак на миру,
К небу взывающий ночью —
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благодарные слезы
Тихо в ладони прольет.

Явление дамы

Поэту Марине Александровой

Дух мороза вошел с этой дамой —
Запах свежих снегов и хвои.
За окном в серебристом тумане
Хлопотали ее снегири.

Говорила и нас удивляла
Взглядом карих сияющих глаз.
Понял я, как ее не хватало
В этом скучном застолье у нас.

Дед Мороз наряжал ее, что ли:
Шубка беличья, шарф и кисы¹.
Цвета беж ее платье от воли —
От просторов сосны и лисы.

У трюмо оглядела прическу
И невольно рукой провела
По своей фиолетовой брошке,
Мимоходом коснувшись бедра.

Улыбнулась, собою довольна, —
Принимайте, мол,
я хороша.
Я глядел на нее восхищенно,
И моя трепетала душа.

17 января 2010 г.

---

¹ Кисы — зимняя, из оленьей кожи, обувь северян, расшитая по меху орнаментами.

День боренья

*Памяти друга-поэта
Алитета Немтушкина*

На снега
Льют дожди проливные,
И кедрач до хвоинки промок.
Невеселые сказки лесные
Приютил затуманенный лог.
Вы беспечны, апреля поверья,
Но суровы посланники тьмы.
В стане хмурых и зябких деревьев —
День боренья Весны и Зимы.
И от чувств не уйти обнаженных, —
От печали, от правды души.
Ходят тени в лесах отдаленных —
Это тени коварства и лжи.
И ветра холодами пугают.
Но гляди:
        над полками вершин
Тучи темные тают и тают,
Высветляя кочующий клин.
И увидела зоркая стая, —
Этот миг я забыть не смогу, —
Снег последний, рассыпчатый, тает
В голубом позабытом логу.

Пасхальная ночь

Беспокойна Пасхальная ночь,
Полыхают зарницы тревоги.
Знаю — другу мне надо помочь,
Знаю — брату сейчас одиноко.

Птица ночи неслышно парит,
Высветляя лачуги и виллы.
Проплывают под нею Париж,
И Белград, и Москва, и Курилы.

Эта ночь родилась для людей,
В эту ночь наступает прозренье.
Кайся, грешник!

И кайся, злодей!

Завтра Пасха во имя спасенья.

Глянул Бог на людские дела —
И за сердце схватился в страданье.
Но... карающая стрела
Остается до срока в колчане.

А иначе в дыму и золе
Мир растаял бы, как привидение...
Появись же, Господь, на Земле,
Появись же в свое Воскресение.

Плач неба

Голосам умоляющим внемля,
Не скрывая волнующих слез,
Вновь хотел опуститься на Землю
В день Пасхальный
Спаситель Христос.

В небесах возликующих майских
И спокойствие, и благодать.
В эту ночь из обители райской
Осиянну планету видать.

Что творится?!
Резня и пожары,
Крик младенцев и плач матерей.
И Христос опустил усталый:
«Сатана перессорил людей.

Наступило умов помраченье,
Позабыли заветы мои,
Будь печальным, мое Воскресенье,
И печально пролейтесь, дожди...»

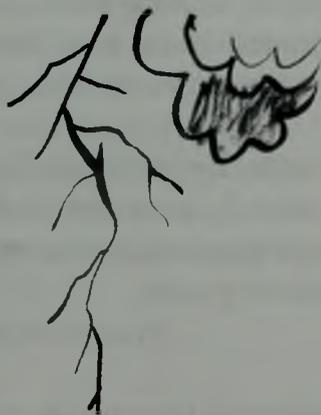
В эту ночь Первомая и Пасхи
Я не спал по веленью небес.
И лучей долгожданную ласку
Принял первым,
душою воскрес.

И по-детски мое ликование:
«О, Спаситель! Мы ждем, приходи...»
Вдруг укрылось светило в тумане,
И как слезы явились дожди.

Колокольные звоны печальны,
И слова покаянно-глухи:
«Ты прости нас, Господь, за обманы,
За житейские беды-грехи».

Небо плакало.
Люди молились
И своею виною казнились.
Небо плакало...

* * *

От медной тучи —
импульсы беды.
Смотрите:
съежились берез листы.
Смотрите: листья ивы, как спираль.
Уже багряно-красной стала даль.
Угрюмый ветер воет и свистит,
И пыль Земли,
и пыль небес летит.
И человек тревожно-робким стал:
Он перед бурей
как песчинка мал!
И вздрагивают в аэропорту
Сверхпрочными телами наши «ТУ».
Кажись, мгновенья жизни нам даны,
Потом мы будем бурей сметены.
В мгновенья эти стали мы равны —
От маршала до муравья страны.
Нет сил таких, чтоб бурю усмирить.
Она простит нас, —
значит, будем жить.

Исповедь человека, лишенного детства

«Я в детстве почти не смеялся,
Я мачехи пьяной боялся.
Пошто она смех не любила?
Пошто за улыбку лупила?..
Люди, вы прекрасны, когда смеетесь!

Я в детстве раз десять купался.
Я в поле с утра надрывался,
Полос сорняки я, стеная,
Я место готовил для рая.
Ой, как теперь мне хочется купаться!

Сейчас постоянно купаюсь.
Сельчанам всегда улыбаюсь.
За это порой оскорбляют,
Меня чудаком называют.
Может, я и вправду чудака? Скажи, поэт?»

Скажу я словами пророка:
«Чудака — это истина Бога.
Уйдя от людской укоризны,
Живи, брат, по-своему в жизни.
Детство все-таки нашло тебя. Обними его».

* * *

*На морозной улице я встретил девушку,
чем-то похожую на озябшую птичку.*

Ты словно подмороженная птичка,
Которая сложила крылья,
чтоб
По давней и спасительной привычке
Нырнуть, как в шубу белую,
в сугроб.

Ты испытала первую измену,
Ты на людей глядишь исподтишка.
О, как вернуть восторженную веру,
Когда в душе огнем горит тоска?!
Сегодня не найти тебе участия
Ни у друзей, ни даже у небес.
И только мать...
В ее волшебной власти
Согреть тебя,
Поднять упавший крест
Твоей Судьбы:

«Держи, моя родная,
И помни — праздник жизни впереди...»
И девушка идет как верба мая,
И тает лед безверия в груди.

* * *

*И зачем цветет черемуха
под окнами этого злодея?..*

Из разговора

Не зря, конечно, величают
Тебя злодеем, землячок.
Не угостишь ты кружкой чая,
Чураешься людских тревог.
И ночью — на руку нечистый —
Воруешь сети и собак.
Готов ты, фарисей речистый,
Предать любого за пятак.
И, от мирских забот седея,
В деревне говорит народ:
«Зачем под окнами злодея
Весной черемуха цветет?
Его бы —

на пустырь навеки!..»

Спешу сказать свои слова:
«Природа верит в человека,
И тем Вселенная... жива».

Деревенские девки

У них уже коровушки подоены,
Заботливо ухожен каждый двор.
Молочные, грудастые, ядреные,
Выходят девки с песней на бугор.

Азартно пляшут девки ягодинские,
Деревне с ними празднично-легко.
Ах, крали, ах, зазнобушки картинные!
В телах, как брага, бродит молоко.

И рядом с вами парни голосистые,
Они гулять готовы до утра.
А дома сеновалы ждут душистые,
И матери кричат: «Домой пора!»

Идете вы лебедушками, павами,
Как будто позади остался бал.
Галина знак дает глазами карими —
И парень проскользнул на сеновал.

Снимает Галя платье серебристое,
Она желанна ловкому Илье.
И знают травы теплые, душистые
О тайне, что родилась в тишине.

Вздыхают девки жаркие и нежные,
Налиты страстью белые тела.
И понимают грешные, безгрешные —
Настала свадеб буйная пора.

Душевный порыв

Лене Кармацких

Добро и Зло — на поле битвы,
Бои идут по всей стране...
Услышал Бог мои молитвы,
И он послал тебя ко мне.

Ты озарила, освятила
Теплом души смятенный дом.
И улыбнулось мне светило
Вчера, уйдя за окоем.

Той августовской темной ночью
Ты по чутью, как та сова,
Нашла в дому меня на ощупь,
Даря горячие слова.

И будоражил шорох платья
И непослушного белья.
Твои безумные объятья
Воспринимал безумно я.

Ты излечила властью тела
Мое больное существо.
Смешно шутила, тихо пела,
И стало сказочно-легко.

Горел от лиственниц в окошке
Оранжево огонь зари.
И стыдно было нам немножко
За чувства яркие свои.

7 августа 2009 г.

Гармония залива

*Памяти замечательного
художника Югорского края
Михаила Ефимовича Бронникова*

Залив и Белая гора,
За ней направо луговина.
— Здесь устье старое Назыма¹? —
Вы спросите у осетра.
Сюда заходит он порой.
Он помнит детские проказы, —
Как ловко обходил провязы,
Играя с ласковой волной.

Залив Оби.
На взгорке дом
Художника и рыболова.
На полотно берет он снова
Цвета грозы, сиянье волн.
Художник — в царстве красоты.
Глухарь скрипит на тихом кедре,
Он, видно, шепчет юной ветке:
— Я удивляюсь, как и ты,
Заливу, живности воды.

Глухарь к художнику привык.
И с высоты давно смекает —
Его художник понимает
Как сына бора и травы...
И новый день в лучах настал.
Живи, гармония залива!
Художник с кистью у обрыва,
Глухарь поющий, желтый вал...
Я тоже здесь, как друг, бывал.

¹ Назым — название реки.

Медвежий амбар

Белой ночью округа ясна.
Но амбар заколдован от света.
Даже утром пугает она —
Темно-бурая шкура медведя.

Дверь закрыта. Но зрит темнота.
И четыре ноги у амбара.
Он у леса живет как беда,
Отчужденный, угрюмый и старый.

Говорят, что шаман положил
Шкуру зверя на страх и смирение,
Чтоб в ножнах каменели ножи,
Чтоб в поклоне дрожали колени.

Говорят, что сюда по ночам
Сам Хозяин приходит, как туча,
И утробно ревет он в туман,
И бледнеет соседняя круча...

От амбара остался лишь миф:
Он, амбар, в туче огненной скрылся.
Старики же толкуют: он жив!
В глухомани на днях появился.

17–23 декабря 2005 г.

Наедине

*Часто мои думы возвращаются к сосновым
борам Шаима родного Кондинского района.
Становится теплее на душе. Именно там
мне вспоминались строки Сергея Есенина:*

*«Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою».*

Медовые сосны Шаима,
И в лилиях белых затон.
Ты родиной этой любима,
Я тоже тобой восхищен.

От пляжного звонкого гама
Плыви, наша лодка, плыви
До плёса — укромного стана,
Где живы признанья в любви.

Вода серебрится, играет,
Пылает в лучах небосвод.
И кто там мечтает о рае?!
Он здесь, возле милой, цветет.

Ты скинула легкое платье
И с лодки нырнула в реку.
Я жду тебя, жду для объятий
На этом лесном берегу.

Ты даришь цветов ароматы,
Целуешь, любовь не тая.
И неба сейчас мне не надо,
Лишь видеть, лаская, тебя.

10–11 сентября 2010 г.

О женском притворстве

Притворство женщин не от страха,
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство — как самоохранность.
Тут жест природы так же прост,
Как ящериц спасает странность —
Дарить врагу на память хвост.

Ведь если сразу нараспашку —
Мужской угаснет интерес.
О, нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама как дым вольна.
Вдруг ни с того-сего устанет,
А то заявит, что больна.

И так притворством изматает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говоришь: «Любовь моя...»

Мужчина, не держи обиду,
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

К новорожденному

Что ты плачешь, мальчик-крошка?
Ты пришел в наш белый свет.
Или чувствуешь с рожденья
Свой трагический рассвет?

Мы смеемся, веселимся,
Горько плачешь только ты.
Для тебя в руках у мамы
И конфеты, и цветы.

Мир жесток,
и мир прекрасен.

И кому судить о том:
Может, станешь ты поэтом?
Может, станешь палачом?

Ты кричишь, дитя Вселенной,
Голосистый по судьбе.
А в углу Пророк незримый
Тихо плачет по тебе.

Этюд из Долины ручьев

Другу, художнику

Владимиру Кукушкину

Близ священного кедра бушует ручей,
Смотрят вербы с пригорка пугливо.
Все устали от частых холодных дождей,
Потому и кедровка криклива.
Я хотел на поляне разжечь костерок,
Отогреть свою душу и тело,
Чтоб взбодрился

озябший от сырости лог,

Чтоб туманы с него улетели.

Но нагрянула туча с обской стороны,
Дождь пролился и синий, и звонкий.
И потух костерок,

словно голос струны —

Голос иволги, нежный и тонкий.

Я защиту под ветками кедра нашел,
Я к нему прикоснулся душою,
И почувствовал —

вздрагнул от радости ствол,

Крона пела в дожде надо мною.

Дума у спиленного дерева

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством
слаб.

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою,
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу:
вновь сюда идут с пилой.

* * *

У железных людей —
И железное сердце.
Это, мол, от идей.
Этой сказке не верьте.

Воля — да. Может, ей
Быть дано из железа.
А душа у людей —
От небес
и от леса.

Явление Нерона

О, люди, мы куда пришли?!
Кругом бездумное веселье,
Обман, распутство и безделье...
Нерон хохочет издали.

«Вы в Рим пришли! — кричит Нерон. —
Вам тоже надо зрелищ, хлеба
И грозовое, в тучах, небо.
Вам нужен грех. И я польщен.
Я буду искренним. Глупцы,
Вы вновь монарха захотели,
Чтоб для потехи вас раздели.
Да будет так. Эй, кузнецы!
Побольше копий и цепей
Для этих вот смешных людей!

О, сколь столетий миновало,
Но ты, толпа, умней не стала!»
Нерон хохочет.

* * *

Наташе Трофимовой

На беды
Жалуюсь земле дождями,
Прибоем океанов, бурных рек.
А недругам
Ответствую стихами, —
В те дни кружится
Над тайгою снег.

Седьмой валун

*Великому кинорежиссеру
Ингмару Бергману*

Он слит с тобою, остров Форе.
Он — как седьмой седой валун —
Вчера в душе закончил споры
И стал твоим,

он полон дум.

Он, словно Борг¹ из той «Поляны», —
Семь раз исследовал свой путь,
На свет выуживая тайны,
Давая всем на них взглянуть.
И люди плакали, вздыхали,
Себя тревожно узнавали.
Он помнит дерзкие порывы
Свои до истин, звезд ночных.
Познал, что люди суетливы,
Весьма тщеславны и ленивы,
Но тайна есть в душе у них.
«Найти ее — удел поэта.
А я грехи людей возьму,
Доверю бесу своему,
Пусть подивится им при свете...»
Кто может жить в объятьях дум?
Отшельник, гений и вещун —
Об этом знает остров Форе.
И вновь его седьмой валун
Глядит на звезды и на море.

4–5 января 2004 г.

¹ Профессор Борг — главный герой фильма Бергмана «Земляничная поляна».

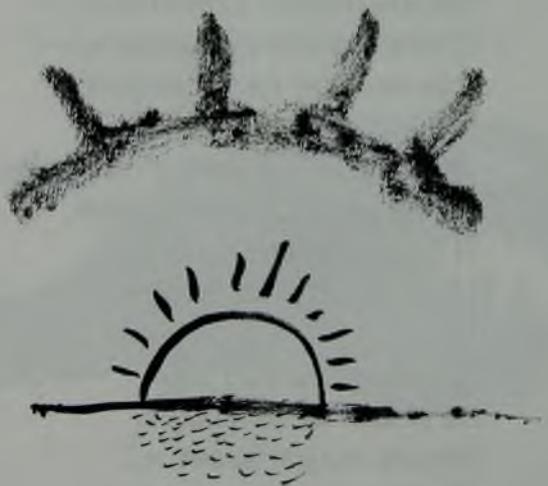

* * *

*«Ты читаешь оком», — слова друга,
композитора Михаила Довганича,
обращенные ко мне.*

«Ты читаешь окоём,
Ты вступил в предел Вселенной.
Но страдаешь об одном —
О деревне разоренной.
От сторонки луговой
Ты идешь к своей вершине.
Неотступно за тобой
Детство следует незримо».

4–5 декабря 2004 г.

Черный ворон

В.К. Аскерову

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и тёмнен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще, где глухарки спят,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает,
О грядущих бедах мнит.
Ой, как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит, —
Станут думать и глядеть, —
Для чего он их тревожит?

«Крон-н!» — несется с высоты,
Как удар, как заклинанье,
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запылывает,
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

Зло

— *Что такое зло?*

— *Черный кит.*

Ответ ребенка

Оно, как все мы, дремлет, спит,
Оно со сплетнею летит.
Оно по-заячьи бежит,
Оно по-лисьи говорит,
И, как шатун-медведь, кричит,
И, словно сытый волк, молчит.
Нет, друг мой,
Зло не черный кит.
Кит мирный в океане.
А зло... творим мы сами.

* * *

Близ дома Сергея Уклонова
Дорога уходит в леса.
«Зовет меня в страны знакомые», —
Тоскуют Сергея глаза.

Сидит он босой на завалинке
В одежке опрятной и старенькой.

«Спешит она, знаю, в Угорщину¹...
И далее... в край каравелл...» —
Сергей свою бороду тощую
Щипал, на дорогу глядел.

Он в 36-м был в Испании,
Он Венгрию с боем прошел.
Любовь потаенную, странную
Он к странам чужим приобрел.

Теперь он слышет созерцателем,
И чудаком, и мечтателем.

Вот этой дорогой в колдобинах
Он в мир уходил, как гонец.
Испанию зрит, словно родину,
И Венгрию чтит, как отец.

---

¹ Угорщина — так западные украинцы называют Венгрию.

Сосновая изба

Геологу Леониду Гуржию

Закаты лилово-багряны
В смолистом сосновом краю.
Они озаботили рано
Избу молодую мою.

Стояла она на распутье,
Детей и любовь берегла.
Для родичей дальних по сути
Земным притяженьем была.

Хвоя и листва опадали —
Веселый и сказочный вид.
Семь игл сосновых венчали
Избы символический щит.

Но самое милое — дети,
Красуется ими жильё.
Избу обходили медведи,
Они почитали ее.

Глухарки садились на крышу,
И пели скворцы по весне.
Из этого дома я вышел
С любовью, доверьем к стране.

5-6 декабря 2003 г.

Сэнгеп

У Сенгепа-шамана
Есть остров именной.
К нему на зорьке рано
Приплыл он — дух ночной.
Четыре дня погони...
Он обхитрил врагов
Языческих богов:
Сюда не смогут кони
Пройти по зыби мхов.
Шаман построил ловко
У сосен чум-жильё.
Принес из лодки сверток —
Сокровище своё.
В материи зеленой, —
Настал священный миг! —
Был Идол-Дух спасенный, —
Явил свой строгий лик.
Глаза темны, как в мае
Проточная вода.
В себя глядит и знает,
Где тайна и беда.
Хотя он деревянный,
Но словно бы живой:
По телу изваянья,
Как некое страданье, —
Проходит дрожь порой...
Шаман сражался яро,
Отчаянность спасла.
Горят его амбары,
Горят его леса...
Теперь шаман — закланник,
Есть клятва на крови,
И все его страданья
Лес примет, как свои.

6–14 сентября 2008 г.

Вечная лиственница

*...Здесь повсюду существовали незаметные
признаки ее жизни (их жизнью. — Ред. автора),
которые целиком никогда не уничтожаются,
как бы глубоко мир ни изменился.*

Андрей Платонов. «Афродита»

Железо канет — жалкая труха,
Но лиственница вечной остается
В том срубе,
        что рукой отца кладется.
Летят над нею, каменной,
        века.

К останкам дома
        прибыл я седым,
Чтоб молча, по-язычески проститься
И духу живших сердцем поклониться,
Он остается в листвени живым.

Видать, по воле неба новый лес
Сторонкой обошел мое жилище, —
Умытое слезами пепелище,
И листвень подала об этом весть.

Я прилетел на крыльях облаков, —
Так мне казалось,
        так сюда стремился,
Забывтый мир у листвени открылся:
Родных узрил —
        как в киноленте снов,
Им подарил души своей любовь.

7–10 февраля 2008 г.

Лазоревая суббота¹

Цветут снега лазорево,
Апрельские снега.
От свежести предутренней
Лазурны облака.

Все Господом размерено
В согласии с душой,
С Лазоревой субботы
До Пасхи до святой.

Костры как омовение, —
Пылает можжевел.
И над огнем проносятся,
Кто грешен
и кто смел.

Надеждой на прощение
Живет и стар и мал.
Я знаю,
кто от горестей
Пророком в жизни стал.

В Лазоревую ноченьку
Вошел в мой дивный сон,
Вошел как благодать Господа
Живой Пасхальный звон.

5–7 мая 2003 г.

---

¹ Лазоревая суббота — так величали в наших деревнях субботу в канун Вербного воскресенья.

Сумерки марта

Ночь улетает.
И разве не жалко —
В новые дали уйдем?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйду туда, в голубое свеченье,
На голубые пути.
Сумерки марта, на удивленье,
Могут, как травы, цвести.
Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволоок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта
Ваши стихают стихи.

Песня и парус

*Четырехвесельная лодка переселенцев
под парусом — это тоже знак моего детства.*

Разгорелось осеннее утро.
Голоса над тайгой и рекой:
«Вы не вейтесь, русые кудри,
Над моею больной головой».

Белый парус над лодкой — как птица,
Распахнувшая крылья свои.
Запевала собою гордится,
Подголоски —
с Оки соловьи.

Может, песню до отчего дома
Донесет улетающий клин...
«Далеко от родных и знакомых —
Я умру на чужбине один».

Улетела душа молодая
В этой песне безвинно от нас.
«Только ты, моя мама родная,
Крест могильный обнимешь не раз».

Я стоял, потрясенный и песней,
И печальной судьбой неизвестной,
Так похожей на судьбы сельчан.
Парус плыл по волнам
к облакам.

16–18 ноября 2004 г.

Сказка, прилетевшая в конверте

*На открытке, присланной из Венгрии другом
Ференцем Керести, — сказочная картинка,
которую я постараюсь расшифровать...*

Горы Матра.
Склоны в синих жилках.
У подножья — замок вековой.
Девушка от ветреной развилки,
Улыбаясь, машет мне рукой.

Горы, словно гордые левкой, —
Белизна уходит в зелень кущ.
Рядом замок.
Там твои покои.
Крест на башне для смиренья туч.

Голубые ели.
Запах снега.
Запах хвои.
Девушка, спеши.
Грянул ветер. Переливы смеха,
И волненье жаркое души.

Ах, какое яркое сиянье
Глаз твоих, улыбки торжество!
«Здравствуй, родич, — древнее сказанье,
Ты живешь, как звезды, далеко.

Проходи, вогул, в святые залы,
Лики предков ждут давно тебя...»
Пася олэн¹, храбрые мадьяры!
Пася олэн, воины-князя!

Алмуша² я вижу над горами,
Вдаль зовущего орду свою;
Иштвана³, его друзей с мечами;
Петефи⁴, горящего стихами,
Павшего со знаменем в бою.

О бессмертье их всегда молю.

¹ Пáся олэн (манс.) — в буквальном смысле — здравствуйте.

² Áлмуш — предводитель семи угорских племен. Он привел их в 898 г. через Уральские горы к Дунаю.

³ Їштван — первый король Венгерского государства.

⁴ Пéтефи — великий венгерский поэт, погибший за свободу Венгрии в 1848 г.

* * *

Сосновый бор до стона раскален,
И синий ягель поседел от зноя.
Но по весне
                                он станет цвета моря,
Олень, конечно, будет удивлен.

О, ягельные милые поля!
Спокойное оленье утоленье,
Для дальних переходов вдохновенье
С надежной остановкой у ручья.

Олень вернется в древние края,
И хриплый голос небеса разбудит:
«Зачем сюда пришли лихие люди
И почернели синие поля?..»

Олень на поиск ягеля уйдет,
Спешить он будет, словно от погони.
И, обессилев, голову уронит,
Затихнет на руках сухих болот.

И я — олень.
Иду тропой, устав
От жажды и от горького сознанья,
Что, видно, обречен я на страданья:
Ручьи мои летают, пеплом став.

Голос Марса

На красный Марс посланник прибыл —
Как чудо радужной Земли.
Стих ураган из желтой пыли
В отсветах огненной зари.
Притихла грозная планета,
Задумался угрюмо Марс:
«К беде, видать, посланник этот,
Земля сама в огне сейчас.
И чем порадуят земляне
Меня,
    седые от вины,
Что ищут в каждом дне страданье,
Что жить не могут без войны.
Свой день кончины приближают
С упорством горе-чудака.
И в космос улететь мечтают,
Свои отринув берега.
О, боги, вразумите жалких,
Им дайте мудрую стезю!
Землян несведущих мне жалко,
Судьбу поведаю свою.
Цвели мои поля и горы
В свой час.
Но грянул день вражды, —
И стали красными просторы
От зла, огня и маеты...»

Я Марсу с пониманьем внемлю,
Тревоги не таю своей, —
Окидывая взглядом Землю,
Не вижу радости людей.
В глазах безверье и страданье, —
Мол, у землян таков удел.

Но был же, был день ликования —
Гагарин в космос полетел!
Полет во благо и во имя
Расцвета матушки-Земли...
Печален Марс в закатном дыме,
Он думы думает свои.

Несправедливость

*— Я протестую, протестую! Протестую! — бросал
в лицо проржавевшему от несправедливостей миру
великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка.*

*— Этот безумный, безумный, безумный мир...
— слова знаменитого американского режиссера
Стенли Крамера.*

*Автор тоже заявляет, что мир людей,
к сожалению, по-прежнему остается жестоким,
продажным, несправедливым.*

Несправедливость...

Она из пещеры
Однажды с дубинкой по миру пошла.
Не ведала жалости, совести, веры, —
Окаменела в пещере душа.

Летели века.
Менялись державы,
И рушились троны владык и царей.
Несправедливость вилась возле славы
В богатых одеждах,
ханжа из ханжей.

Несправедливость чуралась идеи,
Которая к правде и братству звала.
Она заимела парадные двери,
Она и сегодня на лжи расцвела.

И страшно, когда на посты президентов
Все чаще приходят вруны и ханжи.
Но толпы бездумные на континентах
Внимают им, честь предавая души.

Что ждет нас?
Никто на планете не знает.
Повсюду измены, вражда и террор.
И к звездам поэт снова взгляд поднимает:
«Простите людей за вселенский позор».

1-4 декабря 2007 г.

Тайна скорби

*Памяти первого режиссера
Ханты-Мансийской телестудии
А.И. Иванова, моего друга*

Дрожит осина в полдень знойный.
Неужто полдень ей не мил?
И вдруг поймешь, ошеломленный,
Как хрупок, беззащитен мир!

Когда невольно оглядишься,
Понятна дрожь листов твоих:
Ты за людей, сестра, боишься,
За глупость и бравладу их.

Я в сентябре хожу влюбленный.
Вдруг сердце крикнет: оглянись!
Парит оранжево-каленный
Костер, —
        парит огромный лист.

Ты — факел, красное свеченье,
Твой пепел будет в небесах.
Да это же самосожженье! —
Горят твои и скорбь, и страх.

Часы сомнений одиноких

Молний извилистый путь,
Грома раскаты и ахи.
Дай мне, гроза, отдохнуть
И не придумывай страхи.

Клонится ель под окном,
Ветки от света лиловы.
Стал без тебя этот дом
Словно чужим и бедовым.

Раньше искали во сне
Руки любимое тело.
Ты сомневалась во мне,
К жизни иной улетела.

Пусть на притворства твои
Рушатся грома раскаты.
Мамины руки любви
Хочется нынче погладить.

Мама, явись же во сне,
Нынче не вынести муки.
Вижу я, вижу — ко мне
Тянутся мамыны руки.

1–12 января 2010 г.

* * *

Сегодня ты как луч тиха.
Вчера была ты бурей южной,
Была в смятенье непослушной
Твоя горячая рука.

Вскипала плоть, как та волна,
Что хочет быть всегда девятой,
И ты ждала моих объятий —
Быстра, насмешлива, нежна.

И руки вскинулись мои,
Но ты опять в плену рассудка:
«Нужна на каждый случай шутка...» —
И ты уходишь от любви.

Ты хочешь страсть залить водой, —
Берестяной пристроив ковшик
Меж рук для влаги дождевой,
Частит в него коварный дождик.
Ты заливаешь наш костер.
Он вновь не вспыхнул до сих пор.

25 сентября 2009 г.

* * *

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты...
Что ищу я в этом поле?
Я ищу твои следы.

И блаженно, и лениво
На меже лежала ты.
Как мучительно-красивы
Тела женского цветы!

Улыбался мир огромный
На признания в любви.
Верю — даже клевер скромный
Повторял слова твои...

Вспомни, как ты уходила.
Благодарный вижу лик...
Предала ты, позабыла
Этот праздник, этот миг.

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты.
Каждый раз я вижу в поле,
Как цветут твои цветы.

28 декабря 2008 г.

К скалам Мердвена

*До 1846 г. Шайтан-Мердвен был горным
перевалом для путешественников из Севастополя
на Южный берег Крыма. Теснина и скалы
Шайтан-Мердвена потрясали красотой каждого.*
Историческая справка

1

Единственно белые скалы!
Единственна синь между скал!
Меня для того вы позвали,
Чтоб я от красот зарыдал.

Вас скульпторы-боги слепили,
Потом любовались на вас.
На небо взлететь не спешили,
Катились слезинки из глаз.

Присев на оранжевый камень,
Я к тем обратился богам:
«Не мог бы отсюда за вами
Взлететь я к святым небесам?»

Мне нужно еще настрадаться
На скалы, на своды, ключи,
Мне нужно с ущельем обняться
В его бесподобной ночи».

2

Ночь в скалах

Лучи к усмиренью готовы, —
Оранжевый, светло-лиловый
По склонам скользнули —
и мрак.
Угрюмы деревья и совы —

* * *

Соловей поет —
Струны дрожанье,
Переливы трелей,
Вдруг... молчанье.
Он свои припоминает звуки.
Для чего ему такие муки?
Для чего приходится таиться?
Соловей боится...
Повториться.

* * *

*Дружески —
поэту Дмитрию Мизгулину*

Я затворник.
Лёта нету.
Я завидую лучам,
И порывистому ветру,
И зеленым облакам.

Не пускает в мир каморка,
С малых денег проку нет.
Вот на сказочном бы волке
Убежать от скучных бед!

Лучше бы на самолете,
Что в обличии ковра,
Оказаться на свободе
Возле моря, где гора.

Я поэт, и сердце знает —
Я от боли не кричу.
Помогите, люди, в мае
Улететь куда хочу.

18 октября 2008 г.

Амбары

*Любимой бабушке Матре —
Матрене Александровне —
в честь ее памяти*

Близ дома стояли амбары
Для духов, для блага семьи.
Дарила им бабушка Матра
Утрами признанья в любви.

Амбары — хранители ягод,
Орехов, сушеных грибов.
Лосятина вялилась к снегу,
Урак¹ для зимы был готов.

Два темных амбара стояли
С подарками духам в тиши.
Их бабушка оберегала,
Их сквозняками ласкала, —
И были подарки свежи.

Две лесенки есть приставные, —
Красивы, удобны, легки.
Амбары стихий не боятся:
Имеют четыре ноги.

Амбары нам верно служили,
Они — как спасенье в быту.
И переселенье отсюда
Восприняли мы как беду.

Мы власти, конечно, боялись,
Но бабушке власть нипочем.
Осталась она при амбарах,
И будет в сохранности дом.

---

¹ Урак — сушеная рыба.

Небесные звуки

*Когда я лечу в самолете, ко мне являются
красивые мелодии. Звучат они на
расстоянии, как бы зовут к себе.*

Песни Глинки и вальсы Шопена
Дарит мне самолет в облаках.
Вижу я: улыбается Вена,
Голубеет Дунай на глазах.

Осиянны небесные звуки,
Открываются тайны любви.
Простираются женские руки
На восторги земные мои.

Этот миг, эта радость от Бога,
Звуки свой совершают полет.
Открывается в небе дорога,
И Шопен к восхождению зовет.

Я себя заклинаю на муки,
Только б слышать небесные звуки!
Песни Глинки и вальсы Шопена,
Я лечу к вам, душа вдохновенна.

© М. П. 1976

**Седые
ослушники**

* * *

*Юрию Петровичу Тюрину —
моя душевная благодарность
за его творческую высоту*

Наверно, я парень-рубаша,
Гуляю, живу, как в бреду.
Но в жизни есть судная Плаха,
И можно угаснуть от страха,
Когда на ответ поведут.
Мы все распоясались ныне, —
И честь, и закон нипочем!
Махнули рукой на святыни,
И скучно, и пьяно живем.
Но сразу намерен признаться,
Своей поклонившись Судьбе, —
Ведь что-то священным остаться
Должно и в родимой тайге.
Есть мудрых пророков заветы,
Наказы беречь Красоту.
С поклоном амбар свой запретный,
Как предки велят, обойду.
Я не принимаю свободы,
Рожденной по прихоти зла!..
Под эти зеленые своды
Святыня меня привела.
Я каплю разумного страха
Обрел на развилке дорог.
Я сам сотворил себе Плаху,
Чтоб вечно святыни берег.

Ночной романс

Маме Клавдии Гавриловне

Отцовский дом вдруг возникает.
В моих глазах снежинкой тает.
И я молчу.

Как смутно милых лиц явление!
В руке свеча — мое горенье.
Я им свечу.

Они идут как тени тайны.
Услышать бы мне голос мамы...
Но... тишина.

Мерцают звезды в мирозданье,
Шепчу им нежно: до свиданья.
Я — у окна.

5 декабря 2005 г.

Могила Толстого

Обласкана трелями птичьими,
Могила на диво проста.
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

От этого холмика скромного
Неотделим чуткий лес,
И горести мира огромного,
И страсти влюбленных сердец.

Здесь каются, просят прощения,
И плачут светло про себя
Впервые от чувств вознесения,
Впервые покой возлюбя.

Для каждого стало обычаем —
Явиться с поклоном сюда, —
Где чувствует сердце величие,
Где в душу глядит высота.

Зов неба

*Гори, гори, моя звезда...
Из старинного ромansa*

О, сколько раз, взмахнув крылами,
Летал во сне над лесом я
И восхищенными глазами
Оглядывал свои края!
Сияла мать.

Отец гордился.

Виденья эти — от мечты...
Икар за всех людей решился
Взлететь, не ведая беды...
Горели крылья и машины,
Но высота звала, звала!
Гагарина — родного сына —
Россия в космос вознесла.
Америка смотрела в небо.
Там Олдрин,

Коллинз

и Армстронг

Шептали на Луне: «Победа...
Мы верим, люди, — с нами Бог...»
Зов неба в нас живет с пеленок.
И первый крик — сигнал туда —
Я в мир пришел,

еще ребенок,

Но жди меня, моя звезда...

Дорога жива

Дорога желта и влажна,
Недавно дожди прошумели.
Серебряны кедры и ели,
А в небе —
голубизна.

Трава-мурава и хвоя,
Порою мелькнет подорожник.
Я глажу его осторожно,
Почтенье из детства тая.

Заброшен кедровник святой,
Священное кладбище тихо,
Как будто промчалось здесь лихо,
Оставив печаль и покой.

И ворон, как тучка, сидит,
Он тайну какую-то прячет.
О, Боже, неужто он плачет, —
Шестую росинку кропит?

Но надобно плакать-то мне:
Грозит кедрачу разоренье.
Найди же, найди же спасенье! —
Дорога взывает ко мне...

25–26 декабря 2005 г.

***

*Замечательным фоторепортерам — друзьям
Виктору Балину, Игорю Дементьеву*

Не приходи сегодня, гений,
В наш век жестокий и глухой.
Не приходи для унижений
С неукрощенной строкой.

Кругом вражда.
И гаснет вера,
И гаснет нравственности свет.
Мои уставшие деревья
В туманы кутает рассвет.

Случилось! —
Люди словно тени,
Умолкли в рощах соловьи.
О, нет!
Спешి скорее, гений,
Для мук,
для правды,
для любви.

Буря и мы

Три кедра-исполина держат мыс
Речной
корнями и ветвями.
Они, душистые, над нами,
Здесь бурю переждать решили мы.

Закат мерцает стихнувшим костром.
А туча движется навстречу,
Деревья начинают речи,
Их понимает рыжий окоем.

И грянул гулко гром.
Закат угас.
Гром в темень, грохоча, катился,
Он в молниях как бы светился, —
И страх языческий родился в нас.

От струй дождя к стволам прижались мы.
Деревья нас оберегают,
Но молнии еще сверкают,
Исчез в потемках бури мыс.

Стволы в ненастье — духи доброты,
В них скрыто наше пониманье:
Мы в мир пришли не для страданья,
Не для ущербной маеты...

Нет тучи, грома. Небеса ясны.
Смотрите, звездный мир открылся,
Ликуя, радужно светился,
Он радовался за людей и мыс.

18–20 ноября 2009 г.

Восточный поезд

От станций историей веет —
Ильдár, Ингайр, Ёльтым-Ях.¹
Уж вечер. Закат пламенеет.
Ветра приютились в ветвях.

Вагоны, как будто кибитки
Орды стародавней, скрипят.
Лежанки качает, как зыбки,
И люди мучительно спят.

Проснулся я, помнится, рано,
В плацкартном — и стоны, и храп.
Наш поезд стоял в глухомани,
Он встречного поезда — раб.

Когда прогрохочет московский, —
Наш двинется, тяжко скрипя.
Признал за собой он юродство,
За то презирает себя.

Везет он из Азии нищих,
Своих деревенских на слом.
Везет он китайцев, как лишних,
Везет всех в столичный содом.

Как пыль их столица развеет,
Ломая сердца и тела.
Москва никого не жалеет,
Родилась царицею зла.

Он движется — поезд восточный,
Он мчится навстречу гудкам.
Похоже, на город порочный
Он нынче идет на таран.

31 марта — 1 апреля 2006 г.

¹ Ильдár, Ингайр — бывшие поселения Кучума, нынче — станции. Ёльтым-Ях — название станции. На диалекте сургутских ханты переводится как молодой народ, новый народ.

* * *

Рушит время любое жильё.
Но душа... —
Это тайна от Бога.
Плоть слаба,
Угасанье ее
Первым видит небесное око.

И когда умирающий Фет
От огня вдохновенья воспрянул,
Посуровел холодный рассвет:
«Воскрешать Вашу плоть
я не стану».

Удивился признанью поэт,
А рука все дрожала, дрожала,
Согласиться душа не желала
С тем,
что высказал нынче рассвет.

И рванулась душа в небеса,
Сохранив молодую отвагу.
И упало перо на бумагу,
В тот же миг полыхнула гроза...

4 мая 2005 г.

В лесу Кисловодска

Молодой и трепетный осинник
Пахнет пряно, сладко и свежо.
Удивленно смотрим на долину
Утреннюю, дрёмную еще.

Парк за нами.
Лес голубоватый.
Бродит и качается туман.
Он сейчас красивый и кудлатый,
Словно разгулявшийся цыган.

Царственны деревья.
И осины
Рядом с ними — словно чужаки.
Как пришли сюда вы, три осины,
Ласковы, душисты и тихи?

Видно, по небесному велению
Родились вы в благодатный дождь.
Так поэт, конечно же, — явление
Посреди напыщенных вельмож.

20–25 февраля 2007 г.

Христос в пустыне

*Стихотворение родилось
под впечатлением картины
И.Н. Крамского*

О людях думает он страстно —
Один в пустыне роковой.
Для козней Зла — Пророк опасный,
Для Доброты — костер живой.

В пустыне дикой и горячей
Ступни босые жжет песок.
О людях он порою плачет —
И всходит от слезы росток.

Идет.
За ним цветет оазис...
Один, второй... И вновь — привал...
Но почему же зреет зависть
И злоба тех, о ком страдал?!

Кажись, скорбит сама пустыня:
Ой, человек для жизни слаб!
С годов начальных и поныне
Живет в нем жалкий, подлый раб...

Виденья шлет Христу дорога:
Иуда. Люд. Зубов оскал.
И на кресте в лучах восхода
Себя распятым он узнал.

20 марта — 28 ноября 2003 г.

* * *

*Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса.*

А. Блок

Стоял у страшной бездны я,
К себе укор и боль тая.
Стоял бесстрашно на краю,
Хотел ей бросить жизнь свою.
И вдруг я кáперс¹ увидал,
Он под камнями стонал.
Он помощи, как видно, ждал,
И я камень раскидал.
Спасенный каперс мне кивнул,
И я услышал странный гул.
Разверзлась неба синева,
Ко мне обращены слова
С вершин, сияющих в снегах,
Таящих молнии в лучах:
— Постой подольше на краю —
И станешь жизнь ценить свою.

---

¹ Кáперс — южное, стелющееся по земле, растение.

* * *

В предгрозовом тумане вижу:
Мартынов поднял пистолет.
И тишина такая... слышу,
Как облака меняют цвет.
И выстрел.
И поэт упал.
И грома, и дождя обвал.

И этот ливень, грозный, долгий,
И наши всколыхнул сердца.
А это кто угрюмо-скользкий,
Мелькает тень его лица?
Мартынова забытый лик,
Его сегодняшний двойник.

Да, мир сегодня стал хитрее,
Ловчее и коварней стал.
Где правда? Где туман елея?
Повсюду масок карнавал.
Но за красивой мишурой
Таится враг и твой, и мой.

Прочь, равнодушия застой!
Дуэль сегодня нам нужна,
Дуэль во всем обнажена.
К барьеру, подлость, клевета!
И... тишина,
и, как тогда, —
Предгрозовая высота.

Шальной снег

За человека страшно мне.

У. Шекспир

Он налетает в сентябре —
Шальной, тревожный, вьюжный.
Всё бело, мокро на дворе,
И птицы скрылись дружно.
Но прежде вести принесли
О снеге свиристели.
Они звонили от зари,
И сами там сидели.
Потом, опережая снег,
К тебе спешили, человек.
Но, суетою околпачен,
Не слышишь ты зверей и птиц,
И отдаешься наудачу
Стихии дня,

как ивы лист.

Я вижу наяву разлад
Природы с человеком.
Об этом нынче бьет набат
Испуганного века.

19–21 сентября 2006 г.

И вспомнилось...

Старинная песня полозьев,
И звонкий волнующий смех.
Кружит над кошёвкой морозной
Копытами вскинутый снег.

И нету печали в помине,
Ну, как сомневаться я мог!
Приехала Галя-Галина —
Волшебного поля цветок.

И, глядя на взлетные брови,
На свежесть и розовость щек,
Я вновь загорелся любовью,
Тобой восхищаюсь, дружок.

Твои обнаженные руки —
Как два милосердных крыла.
Ты нынче на счастье и муки
Меня в небеса вознесла...

Теперь, одинокий, в метели
Гляжу я, как бесится снег.
Порою доносит он еле
Тот милый и радостный смех.

22–23 января 2008 г.

Плач души

*Я проснулся потрясенный: слезы
буквально лились из моих глаз.*

Я проснулся от слез, потрясенный.
«Что за слезы?» — шептал я, дрожа.
Кто-то плакал во мне, как ребенок,
Понял я —
        это плачет душа.

Видно, так настрадалась родная,
Что терпению предел наступил.
О тебе я забыл, гулеваня,
Доброту твою часто губил.
И теперь ты меня омываешь, —
Горячи они, слезы твои.
Неужели меня покидаешь,
Без своей оставляя любви?..

8 августа 2006 г.

Имена

*Герои Гражданской войны священны
для моего поколения. Они подарили
нам свои честные идеалы.*

Их имена как звон клинка —
Миронов, Кочубей.
Они явились от людей
Бесстрашных
на века.

И ради праведной любви
Миронов, Кочубей
Летели на конях в бои
За честь своих идей.

Я с детства их боготворил,
Чапаева любил.
В атаку пацанов водил,
Идеей братства жил...

Сегодня кружится страна
Опять в тенетах лжи.
О, как нужны нам имена
Тех честных
для души!

11–13 февраля 2008 г.

* * *

А при луне —
        как при свече,
И словно я причастен к тайне.
Ни звука в мудром кедраче,
Лишь веток слышится дыханье.
И на душе теплым-тепло.
Будь Лермонтов сейчас у лога,
Воскликнул бы он вновь светло:
«И в небесах я вижу Бога».

Эльбрус

В броне серебряной стоит, —
Как после боя смиренный воин.
И о судьбе грядущей мнит,
Он милости небес достоин.

Ночуют ветры на плечах,
Даря ему мирские вести.
Он на восходе — при свечах, —
Обряд,
        лишь Космосу известный.

Когда грозой возмущен,
Суровый Эльбрус брови хмурит,
Я думаю, в него влюблен:
Вдруг, как вулкан,
        проснется он, —
Не избежать нам страшной бури.

Запомнят этот гнев века, —
И камнепад, и гром, и темень.
Но... Эльбрус тих, как бог,
        пока.

Он знает —
        гневаться не время.

* * *

*У себя на родине, в священном
кедровнике, мы часто находили
боевые стрелы и позеленевшие
черепя — предметы давних сражений.*

От порывов живительных ветров
Вдруг стрела поднялась из хвои.
Удивились священные кедры:
Вновь стрела захотела войны.
А стрела, оперенье расправив,
Зашипела: «Я крови хочу.
И туда, где творится расправа,
Как на праздник, сейчас полечу».
И, сверкнув боевым опереньем,
Засвистела, умчалась стрела.
Лес нахмурился:

как она смела! —

На преступное дело ушла,
Нету места ей в нашем пределе,
Не нужна нам такая стрела.
И однажды звезда известила:
«Пеплом стала стрела кедрача.
Нет ни памяти,
нет и могилы,
Ни одна не зажжется свеча».

8–9 декабря 2003 г.

Шутки Беса

Что ищу в логу ночном?
Беса с ликом мухомора.
Я скажу ему о том,
Что он сеет всюду ссоры.
Захохочет Бес и враз —
Станет девушкой пригожей.
И от жутких черных глаз
Холодок пройдет по коже.
Хоть стройна ты и бела,
Но таишь коварство, дева.
Чур меня! Куда ушла?
Я держу в объятьях древо.
Улыбается луна, —
Видно, знает шутки Беса.
Знает и о том она,
Что я друг надежный леса.
И бояться темных сил
В доме друга, право, стыдно.
Долго нынче я бродил,
Долго Бес меня водил —
Вот за что душе обидно.

2–3 декабря 2003 г.

Отшельник

(Из древней жизни)

Просились сосны в небо с крутояра,
Внизу река — парное молоко.
Стоял отшельник пред закатом алым,
Закат на подвиг духа звал Его.

Он приютился в сумрачной пещерке
И первую свечу в углу зажег.
И первый день Его служенья вере
Отметил с радостью отцовской Бог.

Он молод. Он мечтатель, не похожий
На всех людей дремучей той поры.
Таскает трудно камни от подножья
Своей лесистой небольшой горы.

Он строит потаенную церковку, —
От неба зодчий, камнетес, поэт.
Дает ему терпенье и сноровку
Души огонь и божеский рассвет.

Он видел битвы конные в долине,
Под стрелы сосны ставили себя.
А он трудился на своей вершине,
Нескладный мир жалея и любя.

О нем уж знали жители округи
И помогали бережно ему.
И стало небо животворным другом, —
Дарило рано теплую весну.

И день настал...
Живи, победа духа!
Церквушки звон возликовал окрест,
Коснулся каждого живого слуха,
И отозвался песней гулкий лес.

Он опустил плача на колени
И руки к небу трепетно простер.
Седой отшельник, он с горы Моленной
Увидел в небе благодарный взор.

Голос идущего ребенка

Если мать не слышит сына —
Зов его в себе, у сердца, —
Мать уже теряет сына,
По-небесному, поверьте.

Вновь у матери в стакане
Водка.
Этим мать довольна.
Сын кричит у сердца: «Мама,
Ты не пей. Мне больно, больно».

Мать не слушает ребенка,
Позволяет что угодно.
Он кричит, невинный, звонко,
Он пришел в наш мир убогий.

Мамы он уже боится,
Он уже не верит маме.
Потому он превратится
В наркомана, в хулигана.

Пурга

*Памяти друга Рудольфа Волкова,
моряка, романтика*

Когда пурга нагрянет в бор кедровый,
На озеро — былую благодать, —
Все звуки исчезают в странном вое,
И зги, как говорится, не видать.

А рыбаки — в заимках,
и врачуют
Целебными отварами себя.
Они заранее непогоду чуют
По солнцу, поведенью птиц, зверья.

Сороки враз куда-то пропадают,
И падают в сугробы косачи.
И даже на мгновенье замирают
У берегов подземные ключи.

И... налетает буря снеговая,
Порой сбивает человека с ног.
Не зря, наверно, сила ветровая
Уносит у соседа-вора стог.

После пурги стоит кедрач в молчанье.
Торят в раздумье тропы рыбаки.
«А может, эта буря — наказание
За наши непотребные грехи?..»

7–8 февраля 2009 г.

* * *

Я в час мечты кружу над Марсом,
Зрю неземную красоту.
Но миг приходит,
Миг напрасный, —
Вновь опускаюсь в суету.
Вновь привыкаю к бездорожью,
Терпенье искренне пою
В своем рябиново-таежном,
В своем языческом краю.
Терпению нас учили вечно,
Послушник — он душою слаб.
Но в сердце дух противоречья
Мужал,
По капле таял раб.
Я понял —
Мир равнодушных
Не для парадов и наград.
Возьми меня, седой ослушник,
В свой удивительный отряд.

Посланники Христа

*Просветители, служители церкви, такие,
как Иринарх — Иван Семенович Шемановский,
достойны вечной памяти народов России.*

Всевышнего посланцы,
Ваш подвиг осиян.
Вот Серафим Саровский...
Кронштадтский Иоанн...

Спасал несчастных души
В Обдорске Иринарх.
И улыбались дети
На праведных руках.

Его встречал радушно
У чума самоед.
Его байдарке утлой
Махал остяк вослед.

Стал Иринарх для тундры,
Как малица, своим.
Он подарил ей школу,
Приюты.
Он — любим.

Он миссию от Бога
Исполнил до конца.
Он заслужил сиянье, —
Не тернии венца.

Коль в сердце равнодушье,
То нас калечит быт.
В Обдорске — Салехарде
Он, Иринарх,
забыт.

О, люди, перед Небом
У нас у всех вина.
Ведь память как спасенье,
Как радость нам дана.

* * *

*Во время пребывания на родине Есенина
со мной произошел странный случай.
Он — в стихотворении.*

В Константинове к старой березе
Прислонился я, глядя рукой.
Вдалеке августовские грозы
Скрыли даль пеленой дождевой.
Здесь же солнце прохладно светило,
Было зябко, и пахло рекой.
Вдруг небесным теплом окатило, —
Некий Дух пролетел надо мной.
Замер я удивленно и немо,
Околдованный этим теплом.
Приходил я в себя постепенно,
Озаренье настало потом.
Помню сладкое чувство порыва
И души, и всего существа, —
Словно взмыл я во сне над обрывом,
Позабыв этот мир и слова...

4–5 июня 2007 г.

* * *

Кате Тайлаковой

Храм заката сгорел в облетающих листьях.
Я стоял на Моленной горе Иртыша.
Кто-то мимо прошел осторожно, по-лисьи,
Мир опять изменился —
сказала душа.

Я и сам это понял,
и надо, конечно,
Ночь послушать сейчас на горе до зари.
Мир в таинственных звуках, печальных и вечных,
И — обнять бы его,
зарыдать от любви.

И невольно я вижу Тебя под сияньем
Этих веток, луны и ласкающих звезд.
Ты — прекрасное женское в жизни создание,
И Тебя во спасенье свое
он вознес.

Но безумные ветры планеты жестоки,
И сверкает в ночи их краснеющий меч...
Я целую Твои обнаженные ноги
И костер развожу, чтоб Тебя уберечь.

19 октября 2006 г.

* * *

Оле Устининой

В стороне от сует и смятения
Ты стоишь, величаво-тиха.
Нету в мире жестоком спасения
Для высоких порывов пока.
И меня ты прости.
Опечаленный
Несуразными вспышками дня,
Углубился в себя я отчаянно
И на время забыл про тебя.
Вновь увидел тебя неожиданно, —
Эту тонкую бровь над толпой,
Этот взгляд озорной, вопросительный,
Говорящий с моею душой...
Наши руки — в объятьях мучительных,
Наши руки прижаты к груди.
В этом мире красивом и мстительном
Нам с тобой от любви не уйти.

20 октября — 16 ноября 2006 г.

* * *

*Каждый час ранит,
Последний час убивает.*

Эдисон Маршалл. «Александр Македонский»

Ты видишь — я пишу рассказ,
Я славлю красоту.
Не приходи, Последний час,
Я сам тебя найду.

Летят года. Мелькают дни,
Меня все нет и нет.
И ты решил меня казнить,
Последний дав рассвет.

Вошел. Сижу я за столом
И вновь пишу рассказ.
«К тебе явился я с мечом», —
Сказал Последний час.

О, если б знал ты, — говорю, —
Как мой рассказ красив!
Присядь. Прочти. Тебя молю.
«Прочту. Я терпелив».

Читая, плакал. Прошептал:
«Куда же ты зовешь?..
Ну так и быть! — мой враг сказал. —
Ты сам меня найдешь».

23–25 июня 2007 г.

* * *

Гляжу с тропы —
                                 глазам не верю:
 Амбар четырехногий мой
 Среди обугленных деревьев
 Стоит угрюмый, но... живой.

Каким бы он нелепым ни был,
 Есть вера-идол у него,
 Есть грозное с богами небо,
 Ему дружить с тайгой легко.

Что я в душе своей имею?
 И что мне людям говорить?
 Есть вера в правду жизни.
   С нею,
 Конечно, можно ярко жить.

Но если в душах нет святыни,
 То в душах наступает ночь, —
 Отец в детдом уводит сына,
 Больную мать бросает дочь.

Вы посмотрите на ребенка, —
 Он солнцу верит — как цветок.
 Ах, жить бы праведно и звонко,
 Чтоб улыбнулся в небе Бог!

* * *

Что делать с нежностью души?
Что делать нам, друзьям-пророкам,
Когда сейчас явленье лжи
Уж не считается пороком?!

Что делать совести моей,
Когда подонок рвется к власти?!
Он наяву считает счастьем
Обманывать всю жизнь людей.

Что делать? —
Миллионы дум
У миллионов честных, правых...
Поэт впервые стал угрюм,
И — боль в его глазах усталых.

За полем тайга почернела.
Снега, как ромашки, цветут.
Идете вы в белых шинелях,
А красные
в красных идут...

И лес расступился дремучий.
Живые, спешите уйти!
Лежит одиноко поручик
С наганом,
прижатым к груди.

* * *

Я — частица природы летучей.
Вновь позвали меня облака,
Позвала искрометная туча:
«Полетишь, одинокость любя?
Не расстраивай только речами,
Коль забуду в пути про тебя.
Но зато ты познаешь свободу,
Страсти радуг, жестокость орла,
И коварство красивого грота,
И слезу на обломке весла.
И не надо мне лишних вопросов,
Без сомнений лети и плыви...»
Замелькали селенья и плесы,
Закружило в случайной любви.
Я однажды проснулся под вечер
От укора знобящей души.
Горько пел за окошками ветер.
Люди, где вы?! Куда вы ушли?!
Ради вас я дружил с облаками
И касался угрюмых вершин.
Я по свету летал за стихами,
Потому и остался один.

К тебе, столица

Когда-то я спешил к тебе, столица,
Была ты шумной славою страны.
А нынче ты — огромная больница,
Где москвичи измученно-больны.

В сердца людей вселились боль и смута,
Громадный город — беспощадный спрут.
Здесь корни мафий, заговоров, блуда,
Здесь в высших кабинетах вечно врут.

Витают страх повсюду.

Зябко. Душно.

Для рэкета всегда добыча есть.

Столица, ты —

те самые конюшни,

Которым нужен новый Геркулес.

Мое спасенье —

здесь я ненадолго.

Уже я болен. Дума горяча.

Но слава Богу, есть Сибирь,

есть Волга,

И есть костер в долине кедрача.

Голос поэта

*Самая печальная радость —
быть поэтом. Все остальное
не в счет. Даже смерть.
Великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка
сказал эти слова в канун своей гибели.
Он был расстрелян фашистами.*

Это радость жизни — быть поэтом, —
Молнию сестрою называть.
И ответить дулу пистолета:
«Я за песни буду умирать».

Ах, печаль какая — быть поэтом! —
В мир шагать дорогою огня.
Тает снег на облаках рассвета,
Плачут горы —
больше нет меня.

Славит колокольный звон поэта,
Мир уже по-новому цветет.
Вспоминает он меня за это,
Вспоминает и поет народ.

19 января 2007 г.

Сенькин завод

(По мотивам русской народной песни)

Вспоминаю я детство милое,
Михаил наш задорно поет:
«Год по годичку, по кирпичику
Мы построили Сенькин завод».

Но порою мы — как забытые,
Лишь картошка привольно растет.
Год по годичку, по кирпичику
Растащили мы Сенькин завод.

По велению да кремлевскому
С песней ринулись в трудный поход.
Год по годичку, по кирпичику
Вновь построили Сенькин завод.

Но пришли года очень странные:
Всё великое не в расчет.
И Москва для нас стала мачехой,
Мы разрушили Сенькин завод.

Много лет прошло заполошенных,
И Россия печально поет:
«Год по годичку, по кирпичику
Восстановим мы Сенькин завод».

* * *

*Памяти замечательных людей,
живших в Ханты-Мансийске, —
Григория Евменовича и
Валентины Константиновны Купор*

Наедине с воспоминаньями
Живу теперь, как мудрый бог.
Но знаю —
        залит мир страданьями,
И нет улыбчивых дорог.

Души моей веленье строгое —
Здесь одиночество мое.
Любви претензии высокие
Давно покинули жильё.

Зачем такое заточение, —
Я не преступник, не монах?
Познать хочу свое терпение,
Преодолеть хочу свой страх.

И продолжал свои страдания
Я до минуты роковой:
Увидел радуги сияние
И смех услышал озорной.

А плач ребенка, милый, жалостный,
Ударил в сердце, как ножом.
Душа проснулась в гневе яростном:
Да где ты, Боже?! Зло кругом...

И грянул гром,
И глас решительный:
«Сначала искупи свой грех.
То будет подвиг удивительный,
Он станет алтарем для всех».

* * *

Отречение от своего в себе, от Бога души своей, — это гибель человека, разрушение жизненных основ его.

Размышления Л.Н. Толстого

Видать, я от Бога отрекся,
Невинного Бога в себе,
Когда суетою увлекся,
Оставил себя на тропе.
Я вышел, желая веселья,
На шумный, бездумный большак,
Где много вина и безделья,
Где в злате и хам, и ханжа.
Меня омота закружили
Крикливых, фальшивых людей.
Они до себя низводили
Меня по задумке своей.
Я не замечал унижений,
И лодка моя без весла,
Без высшего благословенья
На верную гибель плыла.
Однажды волна грозовая
Разбила мой хилый челнок.
Шумела вода ледяная,
Дрожал я, лаская песок:
— Ты где, мой отринутый Бог?
— Я здесь, — теплою пахнуло, —
Незримый, я рядом летал.
Ты разве меня вспоминал,
Когда свою душу пинал
В хмельном бесшабашном угаре?
— Прости, — я шептал покаянно, —
Никак мне нельзя без тебя,
Живи ты со мной постоянно,
Мой Бог, мой спаситель, судья.

Утро Достоевского

*Человеку и писателю, познавшему
трагедию жизни,
Анатолию Дмитриевичу Знаменскому*

Семеновский плац опоясан штыками,
Семеновский плац окольцован клинками.
И вдруг загремели кругом барабаны,
И красное солнце взмахнуло крылами
Над ним, Достоевским,

и над палачами.

Надели уже на друзей балахоны.
Прощальные вздохи, прощальные стоны.
Он в смертном нелепом стоит одеянье,
Он станет отныне

Поэтом страданья.

И вечность, и миг —

познаются пред смертью.

Он пережил это.

Теперь вы доверьте

Ему свои судьбы, и горе, и думы —
Все бедные люди России угрюмой.

Доверься, студент, и чиновник, и нищий,
И князь, по наличию совести — лишний.

Идут россияне: Раскольников бледный,
Мечтатель спешит вдохновенный, рассветный.

С Настасьей Филипповной, гордой и бойкой,
Рогожин летит на игренево́й тройке.

И братьев зовет Карамазов Алеша...

Россия идет исповедаться, Боже!

О, судьбы людские! — сомнений лавины,
Увидел он тайные в душах глубины.

Сказал он: «Я понял вчера поутру:

Есть в муках — свободная воля к добру».

Полнолуние

Золотой, ласкающий и чистый
Лунный свет приманивал, дрожал.
И горы рисунок серебристый
В этом море злата утопал.

Грянуло впервые озаренье —
Страх перед Луною ощутил.
И свое недетское волненье
Я в душе глубоко затаил.

Ой, Луна,
Наверно, злата много
В тайных кладовых горы твоей.
Если к ним откроешь ты дорогу —
Примешь беды, горе от людей.

27 июля — 5 августа 2011 г.

Голубые насты

Деянья марта город глушит
Нелепой спешкой, кутерьмой.
В деревне марту светят души,
И конь смеется вороной.
Торопит конь, как встарь бывало:
Скорей на свадьбу, молодцы!
И снова в лентах белых, алых
Поют хмельные бубенцы.
Сияют насты синью всюду
И днем, и ночью голубой.
По-детски радуются люди:
«Звенит... Снежок-то хрустовой...»
Хрустит —

    аж по спине мурашки
И сладкий в сердце холодок.
И соболь с высоты бесстрашно
Свершает на снега прыжок.
Март подарил нам акварели,
И на прощанье от любви
Вслед марту глухари запели,
Взыграли на холмах ручьи.

11–16 марта 2008 г.

Чайка в ночную бурю

*Маргарите Кузьминичне Анисимковой,
в честь благородной дружбы наших семей*

В скальной расселине чайка
Теплое место нашла.
Здесь она, видно, бывала,
Больно знакома скала.
Даже — о чудо! — пахнуло
Пухом ее малыша.
Каплю живую от мира
Словно вдохнула душа.
Сразу уютнее стало
Чайке под гребнем скалы.
В небе гремело и выло,
В море рычали волны.
Голову спрятав меж крыльев,
Чайка вдыхала тепло —
Запах пушистого сына...
Встал он давно на крыло.
Запах сквозь поры камней
В душу струился ее.
Чайке на миг показалось
То родовое жильё.
Чайка проснулась счастливой,
И, благодарна скале, —
Взглядом ее осенила,
Взмыла навстречу заре.

29 июня — 5 июля 2011 г.

Ослушник

У той у запретной черты —
Кедровник — вечерняя сказка.
Его стережет от беды
Стрелы напряженная пляска.
Я — вкрадчивый шорох —
Сейчас
С котомкой-луной за плечами
Пройду за черту не таясь,
С распахнутыми глазами.
Дрожанье поймал темноты
Рукой, как сова, обостренной.
Но мне не унять маеты
Души и мечты оскорбленной.
Грохочет души барабан,
Подобно июльскому грому:
Обман-ба-бам, обман-ба-бам,
Шагнул, будто падаю в омут.
Шагнул я — ослушник-молва,
Но нет уж атаки и тыла:
Охранной стрелы тетива
Уже облегченно вздохнула...
И люди ту жертву мечты
Запечатлели на камнях:
В руках — по куску темноты,
В глазах — онемевшие тайны.

В Хортобадской степи

*Венгерскому профессору
Петеру Домокошу*

В Хортобадской степи мы раздумий полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...
Мчатся кони.
Гудит от копыт вышина.
Неужели в степи запылала война?
Эй, потомки гусар и потомки князей,
Вы седлайте скорее крылатых коней!
Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...
Наши думы ярки, как заката пожар.
Смотрим в дали, как в очи любимых своих.
Ой, как много веков там осталось лихих!
Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бои,
Потому нам и дороги дали твои.
В Хортобадской степи мы раздумий полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны.

О странностях людских

Не правда ли, — до боли странно, —
Мы часто близких и родных
Обходим в суете вниманьем,
Порой чураемся мы их.
И привыкаем даже к ссорам,
Мол, эту грань не обойти.
Ну, а на деле — зреет горе,
Нас ждет трагедия в пути.
Сведя любовь к проблеме дальней,
Не слыша голоса души,
Боимся старости печальной, —
Мол, золотые дни прошли.
И где найти такие средства,
Чтоб жить беспечно и легко?..
Все беды от несовершенства
Ума и нрава своего.

17 мая 2002 г.

***

*Памяти космонавтов
Добровольского, Волкова, Пацаева*

Трубят над милым краем трубачи,
Перо у них прилажено к перу.
У вас, мои таежные ключи,
Я силы для полета наберу.

Над краем полечу я высоко —
Над радостями, бедами лесов.
Зеленый дождь для края своего
Я выпрошу у знойных облаков.

Я улечу в объятья бурь и звезд,
И, сбив крылом последнюю беду,
Я, поседевший от жестоких гроз,
На землю с гордой песней упаду.

* * *

С тобою я привык мечтать,

С тобою, ясною звездою...

Из казачьей песни

Ночами трепетны леса,
Струится облак нега.
Встаю я ночью в три часа
Для звезд зеленых неба.
И в этой россыпи одна
По-матерински светит.
Я знаю —
        дарит мне она
Единственное лето.
Как это лето сохранить
Для нежности и блага,
Чтоб стали памятными дни
И чтоб жила отвага?
С мечтою этой я страдал.
Но где б на свете ни был,
Я думал о тебе, звезда,
Твое сияло лето.
Однажды зов услышал твой:
Чтоб не было ромашек,
Возьми любви — воды живой
У солнца и ромашек, —
Тогда родится Бог в душе,
Он — твой спаситель лета.
Я на ромашковой меже
Открыл в себе поэта.
Прошу, звезда,
        в ночи свети,
Моя мечта с тобою.
И наполняется в пути
Моя душа любовью.

* * *

Не умирай, пока живешь.

Галльская поговорка

Небесной манны, видно, ждешь —
Считаешь облака.
Не умирай, пока живешь,
Вот именно — пока.

А кедр цветет.
И зреет рожь.
И место есть в тени.
Не умирай, пока живешь,
Бери же эти дни.

Я грешен сам.
Большую дань
Я водке уплатил.
Живой воды от горьких ран
Сейчас бы я испил.

Но... нет ее.
И как вернешь
Обиженный свой час?!
Не умирай, пока живешь,
Гори душой сейчас.

Ответ таежника

(На слова писателя С.П. Залыгина
«У нас нет вечности...»)

О вечности опять с трибун шумят,
И эту тему мы втянули в склоки...
О вечности мои деревья мнят
И величавые в своем раздумье боги.

Когда орел в бескрайности парит,
Мой взгляд невольно в той лазури тонет.
О, вечность — автор знойных пирамид!
И автор гениальнейшей иконы!

И, приобщаясь к вечности в тиши
Под звездным небом, у костра лесного,
Я выдыхаю голосом души:
«И будет вечным праведное слово!»

К военному летчику

Земляку Алексею Сумкину

Ты летаешь под крыльями Бога,
Ты особые видишь края.
На пронзительно-синих дорогах
Есть особая гордость твоя.
И судьба у тебя необычна,
Нам, наверно, ее не понять, —
Романтична она и трагична, —
Звуки неба в пути обгонять.
Под тобою гроза не стихает,
Сыплет стрелы в отеческий лес.
И высокая грусть наступает,
Что сейчас ты во власти небес...
Ты выходишь.

Идешь утомленно.

Ты сейчас как святой человек, —
Снисходительно и отрешенно
Ты глядишь поначалу на всех.
Вдруг в глазах запылала тревога, —
Это мы ее вызвать смогли.
Ты душою, конечно, от Бога,
А улыбкой от грешной земли.

Позиция

Мои стихи — мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой,
Мои стихи, идите в бой!
Мои стихи — мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.
Знай, человек, твое спасенье —
В дороге самовосхожденья.

Впервые

Я впервые сижу в ресторане,
Воздух душный от злых папирос.
Я студент.

Удивленно и пьяно
В правду жизни вернулся из грез.
Обнаженные плечи волнуют,
Дамы, видно, спустились с небес...
Почему их прилюдно целуют
Эти наглые губы повес?
Мне обидно.

За что — непонятно
Воспылавшей душе молодой.
Этот зал поразили внезапно
Звуки скрипки небесной тоской.
Оглянулся — увидел скрипачку:
Как в огне ее шапка волос,
Голубая по глазу повязка,
Брови лётные, греческий нос.
Не цыганка и не россиянка, —
Я почувствовал это душой.
Видно, в детстве была полонянкой,
Потому и владеет тоской.
Сам не ведал,

как слезы катились,
Захотелось мне встать и запеть,
Чтобы губы ее улыбнулись,
Чтоб в объятьях ее замереть.

Вечный голос

*Внизу летела земная ночь. И вдруг
из этой ночи сквозь толщу воздушного
пространства... донесся лай собаки...
Мне почудилось, что это голос нашей
Лайки. Попал он в эфир и навечно
остался спутником Земли...*

Из дневника космонавта
Владислава Волкова

Земная ночь черна как ворон.
Один поэт в ночи не спит.
Сюда заря придет не скоро.
Земля летит. Земля летит.

А космонавт над ней кружится,
Чтоб меньше стало зла и бед.
Он как оранжевая птица,
Которой в мире места нет.

И вдруг с космической орбиты
Он голос Лайки услышал.
В нем нотки слышались обиды,
Он словно к милосердью звал.

Тот голос нынче — спутник вечный,
Страны родимой — крик живой...
Он, Волков, — у дороги Млечной,
И я вослед машу рукой.

Август 2002 г.

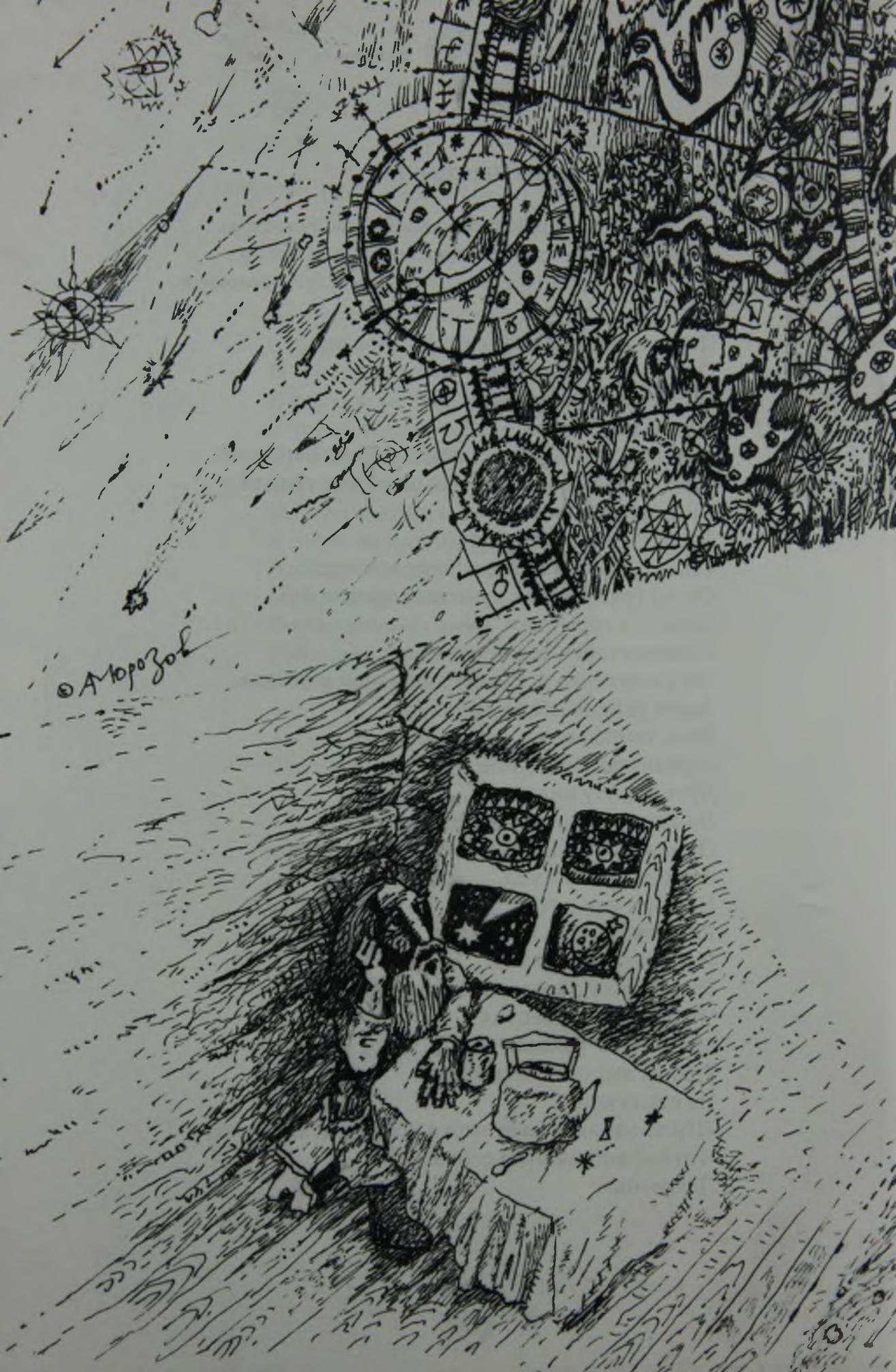

Последний выстрел

*Светлой памяти Владимира Высоцкого.
Мне ярко запомнилась его роль белого
офицера в фильме «Служили два товарища».*

Пароход переполнен.
Гудки – как удары.
Боевому коню нету места.
«Прощай,
Мой спаситель в боях, мой товарищ бывалый...»
Крик из рубки решительный: «Трап убирай!»
Он целует коня,
Треплет рыжую гриву:
«Ты в степи погуляй, ты еще молодой...»
Он по трапу идет в суматохе крикливой.
Словно в гору идет.
Словно старец седой.
Он у поручней встал среди плачей и стонов.
Вдруг увидел коня.
Конь увидел его.
И рванулись их души
Друг к другу невольно,
На века расставаться всегда тяжело.
Он всю жизнь воевал за Отечество лихо.
Званья, орден имел.
Но коня уже нет.
Боже мой! Конь плывет.
И на палубах стихло.
Глядя другу в глаза, он достал пистолет.
Что-то он прошептал.
Мы того не узнаем.
Грянул выстрел неслышно –
Не стало коня.
«Пусть узнают завет мой в родительском крае,
Что последняя пуля сейчас –
Для меня».

1 мая 2011 г.

© Апопозол

Р
Л
Д

**Видения
пророков**

Поэт

Как справедливость
миру дан поэт.
А зло... оно всегда неугомонно:
Политикам вручает чашу бед,
И те алкают целеустремленно.
Кошунство это чувствует поэт
И восстает отважно, одиноко...
На зов поэта в мир идет рассвет,
И для души
струится ввысь дорога.

* * *

Сыну Илье

Идут по дороге обозы,
Идут голубые стога.
Их нам подарили покосы,
Их нам подарили луга.
Веселые кони апреля
Душистое сено везут.
В нем шорохи белого зверя,
В нем запахи ветра живут.
Глядят, улыбаясь, деревни
И знаки дают пацанам, —
Мол, надо в дороге напевной
Душой приобщиться к стогам.
На миг остановятся кони, —
Гляди, мы уже на стогах.
Нам хочется жуткой погони,
Нам хочется неба в глазах.
Бунтарское зреет желанье —
Над стогом своим вознестись.
Но... кнут получай в наказание,
Напутственный крик: берегись!
Ну, что же я сделал плохого?
Никак не пойму я пока.
Под аркой вопроса немного
Идут голубые стога.

На вершине

*Памяти Петра Кириченко —
писателя с трагической судьбой*

Спят облака на склонах Кара-Дага,
На Золотых воротах дремлет дрозд.
На высоте,
        как на ладонях страха,
Стою один —
        случайный дальний гость.
И, прислонясь щекой к тебе, вершина,
По-новому имею право жить.
Имею право, водная равнина,
С тобой на равных нынче говорить.
О красоте ты с небом вечно в споре,
Моим признаньем с небом поделись:
Мы, люди, радость дарим волнам моря,
А в горе
        поднимаем взоры ввысь.

* * *

*Памяти друга Володи Тырлина,
поэта-земляка из Угута,
однокашника по Ленинграду*

Чашобный запах кружит подо мною
Коры и прели, моха и норы.
И над моей июльской тайгою
Струятся в небо марева костры.
То праздник детства:
Я с вершины кедра
Оглядываю хвойный океан.
Доверчив я,
Нежны ладони ветра,
Сейчас себя дарю я небесам.
Душа уже как будто улетела
Туда, где загорается звезда,
И от восторга невесомо тело,
Но по тропе
уже спешит беда.
Ах, что беда!
Пою, раскинув руки,
И вижу удивленный взгляд орла...
То первая с землей была разлука,
Разлука ради высоты была.

Сегодня

Мне вдруг показалось —
я лишний,
Далёко мой век и мой день.
Для пришлых и новых я — книжный,
Я милого прошлого тень.
Чужды мне и нравы, и лица,
Для них я — отшельник чужой.
И я вспоминаю с тоской:
Я в детстве в лесу заблудился
И плакал: «Хочу я домой...»
Сегодня плутаю душой
В стране одичавшей, глухой.

Зов Аэлиты

Тума, Тума, планета печали...

А.Н. Толстой. «Аэлита»

Тума в небе черно-синем
Тучами закрыта.
Слышен только из России
Голос Аэлиты.

Зов с оранжевых предгорий,
Зов с лиловой башни.
Аэлита с миром в споре,
От любви не страшно.

Погибает в ярких красках,
В тайных муках Тума.
«Шлю позывы не напрасно,
Если я любима.

Если любит, то услышит,
Заново погладит
И глаза, и лоб, и уши,
Пепельные пряди.

Превращусь я в воздух синий,
В луч живой и млечный,
Над Землею, над Россией
Стану жить я вечно».

В день рождения

Я родился под Покров,
В листопад венчальный.
И на свадьбы —
                                для стихов —
Я душевно званный.
Здесь баяны,
                                в небе — плач,
Во-он косяк последний.
Я желаю всем удач,
Я мужик невредный.
Пойте, люди,
                                от небес,
Знать, мой день рождения.
За луною — звездный крест —
Знак для вознесенья.
Но вокруг бушует мир
Радости и горя,
И от злобы длится пир
Сатанинской своры.
Потому я нужен здесь,
На Земле боренья,
На меня с надеждой лес
Смотрит в день рождения.
Да продлятся дни мои
По веленью Бога,
Чтобы людям от любви
Я дарил дороги.

13 октября 2005 г.

* * *

В день смерти Ю.В. Андропова я увидел на утренней пустынной улице в Тюмени рыдающего мужчину. Он кричал в небо: «Я плачу! Человек погиб!» Он напоминал юродивого.

Да здравствует юродивый! Кричи, вещун:
— Наш царь еще неопытный, летами юн.
Кричи о том боярине, что глаз косит,
О Федоре, который на костре молчит.
Ты бей, ты бей, юродивый, в набат души:
— Эй, на Петра Великого зла не держи!
Он гривы наши темные мечом сечёт,
Из подпола Россию на солнце зовет.
Ой, трудно просыпаемся! Ой, мочи нет!..
Упал на снег юродивый, как смертник сед.
Чугунная верига дышать не дает,
И кровь — ручей прощальный —
из горла идет...

Юродивых не стало.

Зачем они нам,
Без их набата верим чужим слезам.
Но иногда мы правду боимся сказать,
Тогда легко в нас труса и раба узнать.
Воскрес бы тот юродивый и закричал:
— Я ради вас за правду на снега упал!..

1984 г.

* * *

Любовь движет нами

Неужто я боюсь любви?
И лет своих пугаюсь?
Я за ошибки те свои
До слез сегодня маюсь.

Часа четыре до тебя,
А мнится даль — до Веги.
С улыбкой сравниваю я
Автобус и телегу.

В страданиях Чехов, Русь любя,
Достигнул Сахалина!
А жены декабристов?..

Я

Гляжу на них повинно.

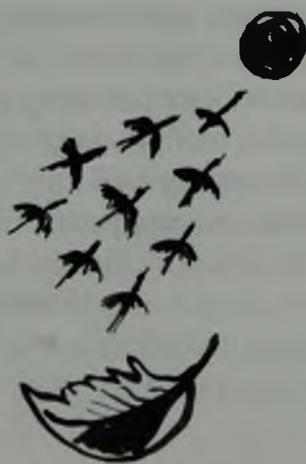
Шлю к бесу разницу в годах!
Приму любую муку!..
За благодарный свет в глазах
Твою целую руку.

18 сентября 2009 г.

В октябре

Он распутан —
Клубок нашей жизни осенней,
Во-он последние нити моих журавлей.
Но остался твой голос —
Твое огорченье —
Металлический шелест листвы тополей.

Ночной разговор

*И если я порою плачу,
Поверьте, только оттого,
Что жить хочу совсем иначе,
А сделать это нелегко.*

Спят небеса.
Но их мерцанье
Ласкает нас, любовь тая.
— Ты почему проснулась рано,
Душа невинная моя?

— Еще я верю, друг любимый,
Тебе, нам исповедь нужна.
Мне не дает покоя дума,
Она нам до утра дана.

Твоя головушка повинна,
Она фальшиво-весела.
Ушел ты от своей стремнины,
Она в цветах, в крови была.

Не будет больше дня такого, —
Ты вспомни помыслы свои, —
Тебе вручило небо Слово
Для вознесенья и любви.

Конечно, жить забавно можно,
Имея злато и дворцы.
Но миру больно и тревожно,
Ему как свет нужны творцы.

— Прости, — сказал душе я, плача, —
И коли смотришь далеко, —
Поверь, я стану жить иначе,
Но знаю — это нелегко.

4–5 ноября 2010 г.

Лиственница Меншикова

*По легенде, Меншиков любил сидеть,
мечтать у древней лиственницы
на высоком берегу Сосьвы.*

Я прикасаюсь взглядом к ветке,
Я думой в дали улетел...
Была у дерева беседка,
Здесь часто Меншиков сидел.
Глаза его огнем пылали,
Он видел, видел, как в бреду:
Петра, себя, друзей, бокалы
И ту нежданную беду.
Вздыхал.
Усталою рукою
Ласкал он, словно друга,
Ствол.
Потом походкою былою
В свою обитель гордо шел.
В часы надежд исповедально
Он думы дереву вверял.
И рубцевались в сердце раны,
Он от мучений прозревал.
Признался он себе однажды —
Низринутый с вершины бог:
«Достоин уваженья каждый,
Кто в беды честь свою сберег».

Журавли поют

*Памяти замечательного поэта и друга
Владимира Топорова*

Все меньше нас, душевных, честных,
На этой грозовой Земле.
Ах, жить бы нам почаще вместе!
Беду делить в одном жилье!

Но мы шагаем в одиночку,
Нас разделяет тьма лесов.
Порой соединяет почта
Нас для исповедальных слов.

И нету бескорыстней братства
Мятежных душ
ради людей.

Но как до истины добраться
Среди трагедий наших дней?!

Идем в пургу, ни в чем не каюсь,
Как вестники людских побед.
Ты шел, Володя, улыбаясь,
Ты — витязь, от небес — поэт.

Узнал, что мы осиротели.
Леса осенние тихи.
И слышу: журавли запели
Твои сердечные стихи.

*27 августа 2009 г.
3 часа ночи*

* * *

Над рекою струится дымок,
И на ветках сосульки-подвески...
От столичного мира далек,
Я живу среди снежного блеска.

Вспоминаю —
        в Москве на пиру
Я заплакал:
Навеки простился,
Ради песен на подвиг решился —
Обрету себя снова в бору.

Я в избушке живу у ручья.
Нет ларьков, казино и сберкассы,
Нет путан, нет разбойничьей трассы,
Лес гармонией лечит меня.

Удивительно яркую грусть
Навевают зимою сугробы...
Одного в эту пору боюсь —
Вдруг вернусь на разгульные тропы.

Видения Отшáмова

Приходят к Отшамову часто
Видения этой зимой.
Завьюжит, закружит ненастье, —
У печки находит покой,
Согбенный, печальный, седой.
Сегодня прилег он, болезный,
И вдруг —

колокольцы звенят.

И кони,
как в сказке известной,
В окошко смеются, храпят.
Он ахнул,
Душой встрепенулся.
Мелькнуло: «Неужто она?..
Неужто на старость вернулась
Моя молодая жена?..»
Вскочил ошалело со стоном.
Дверь настезь —

навстречу Судьбе.

Ударило снегом.

А кони

Вздымались в крутящейся мгле.
Не чувствуя ног деревянных,
Упал он на снежный порог...
Воспрял от назойливой раны, —
Болели и ухо, и бок.
Он двери захлопнул. Знобило.
В глазах те видения были:
В кошевке сидела она —
Его молодя жена.
На улице тишь. Ни снежинки.
Закат за тайгой отгорел.
На окнах растаяли льдинки,
Отшамов в раздумье сидел.
Все годы как дым улетели.

Он пил, по селеньям кружил,
Жену молодую сгубил.
Кому до него нынче дело?!
Остались виденья одни
На эти остатные дни.

Каравелла в пути

Композитору Юрию Клепалову

Паруса каравеллы де Фриза¹
Из тумана выходят белы.
От лучей серебрятся, как ризы,
От соленых ветров тяжелы.

Позади ураганы и грозы.
Перед ними — глухой Сахалин.
Обнимаются дружно матросы:
«Вот он — кладов земных исполин!»

И де Фриз, загорелый от милей,
На клинок опираясь, глядит.
Для мечтателей всходит светило,
Для отважных на небе парит.

Долго ждал их залив приключений,
Долго жил он в усладе своей.
Дал де Фриз ему имя Терпения
В честь своих терпеливых людей.

Удивлялись пришельцам медведи, —
Как они возле сумрачных гор
Целовали камень, как дети,
Распаляя громадный костер...

Повинуясь мелодии бриза,
Доверяясь попутным волнам,
Каравелла лихого де Фриза
Вновь ушла в грозовой океан.

3–5 февраля 2003 г.

¹ Де Фриз — голландский мореплаватель.

Крым

*Константину Яковлеву, Леониду Чеховичу —
в честь наших вдохновенно-неповторимых
встреч на Крымской земле*

Косынкой маков алых
Повязаны поля
У Ялты, Балаклавы,
У Симферополя.

Ах, Крым! — мечта поэтов,
Лазурная волна,
Дельфины на рассвете,
Морская книга дня.

А в парке Коктебеля
Из рая соловьи
Ночами песни пели
На парусе любви.

Мне нынче уж непросто
Доехать к вам, друзья:
Возле границ погосты,
Тревожны те края...

У рыжих скал привальных
Я вижу ваш костер.
Вам шлет привет печальный
Мой темнохвойный бор.

Голоса любви

Памяти М.А. Шолохова

Речь ведет сегодня Дон
О казачке милой,
Как она веселым днем
В казака влюбилась.

Ночью запах трав пьяней —
Донник и цикорий.
Слышен стон далеких дней:
— Я твоя, Григорий...

Голос ласковый, родной
Над обрывом синим:
— Будешь ты навек со мной,
Милая Аксинья.

А в лазоревой дали —
Злой войны тревоги.
Как века — часы любви,
Как дымок — дороги.

Расстаются две души
Навсегда, на горе.
— Ты, Аксинья, не тужи...
— Ты прости, Григорий...

2002 г.

К Лермонтову

Поклон Тебе, поэт любимый,
Из далей снежных я пришел.
Я тоже бурю гонимый,
Я тоже счастья не обрел.
Гора печальная дымится,
Туман сиренево-густой.
Душа Твоя незримой птицей
Сейчас летает надо мной.
Что ей сказать?

Что ей доверить,
Когда кругом вражды прилив?
Жива Твоя в Россию вера,
И Твой мятежный парус жив.
Покоя для Тебя у Бога
Молю.

И сквозь туман и дождь
Открылась в небесах дорога, —
По ней Ты к Господу идешь.

Сестры милосердия

*Посвящается женщинам санатория «Ахманка»
Тюменской области. Раздумья тех исторических
сестер отвечают раздумьям нынешних
патриотов Отечества.*

Россия, твое оправдаем доверие!
От звуков оркестра румянится даль.
И движется поезд сестер милосердия
На поле сраженья, где гром и печаль.

Ах, сколько, сестренки, вы мук испытали!
И стоны, и зовы мужские для вас...
Солдаты вам души свои доверяли,
И к жизни вы их возвращали не раз.

Крестьянка Седых, и княгиня Аверина,
И сотни других благородных сестер,
Мы вам от любви, восхищенья поверили,
И слава о вас велика до сих пор...

Вернемся же в Русь двадцать первого века.
Опять негодьям живется легко,
И снова не ценится жизнь человека,
И золото снова — превыше всего.

Вернемся в деревни,
В наш день затуманенный,
Деревни спасали Россию всегда.
Хотя мы обманом и ложью изранены,
Но совесть жива — как спасенья звезда.

Здесь жены и матери — солнце доверия,
Угасли б деревни Отчизны без них.
Здесь женщина — это сестра милосердия,
Спасает от бед и своих, и чужих.

Крестьянка Седых, и княгиня Аверина,
И сотни других благородных сестер,
Вы светите нам,
и в себя мы поверили,
И верую этой живем до сих пор.

2001 г.

Чудотворные дали

Сыну Ивану

У природы есть места волшебные, —
Чувствуешь душою благодать,
Травы и цветы растут целебные,
Воздуху и звукам исполать.
Вспоминаю Ендырское озеро,
В рыжей хвое золотистый яр.
Белка, на меня уставясь, цокала,
Скрипы-звуки посылал глухарь.
Словно признавались мне в доверии,
Другом по наитию признав.
Тучи растворялись за деревьями,
Силы неба здесь имели кров.
Эта радость нового познания
Ожила в Синицинском бору.
Неспроста бытует здесь сказание,
Что Христос в крестьянском одеянии
Тут ходил однажды поутру.

Дали чудотворные России
Лермонтова, Пушкина носили,
Льва Толстого, Чехова вспоили.
У России чудо-далей много.
В этом сила наша, слава Богу!

2–4 декабря 2004 г.

Гуляет Азовское море

*Леониду Ивановичу Киселеву —
человеку, любящему народ*

Взволнован на круче цикорий,
Вздыхает полынь глубоко.
Гуляет Азовское море,
Взлетает волна высоко.

Но где же мой парус привольный
И серьга — морей талисман?
Сейчас разгуляюсь, как волны,
Я нынче поверил волнам.

Не надо сомнений бояться,
И бури бояться грешно.
По гребням я стану вздыматься,
Об этом мечтал я давно.

Шаланда под парусом мчится,
Остался мой страх у костра.
И море рычит и клубится,
Со мною роднятся ветра.

Гуляй же, Азовское море!
Гуляй, штормовая волна!
Прощай, василек мой — цикорий,
Душа вознесенья полна.

2002 г.

После грозы на Черном море

Тяжелые черные птицы
Летят возле плачущих гор.
За ними сверкают зарницы,
Как будто стреляет линкор.

Угрюмые тучи лиловые,
Закрыли собой окоем.
И снова пролиться готовы,
Рассердится заново гром.

Но море спокойно на диво.
Спустился баклан с облаков.
Оно удивленно-красиво,
Как женщина после родов.

2002 г.

* * *

— У нас нет пророков.
— А откуда им взяться
при такой кутерьме?..
Из разговора

Пророки есть.
Но кто увидит
Их в нашей суетной толпе?!
Пророки есть.
Их ненавидит
Любой диктатор по судьбе.

Чтоб жизнь познать,
Они, пророки,
Идут не гладким большаком, —
Идут обочиной дороги
По травам колким босиком.

На большаке —
Столпотворенье:
— Ура! — кричат, и медь гремит.
А где же мыслей вознесенье?!
Душа страдает
И... молчит.

1979 г.

Сеет рожь деревня Пашня.
За труды тебе поклон.
И картофель свой,
и даже
Конопля, гречиха, лен.
Землянику, голубицу
Валя с девками берет...
Пашня нынче, знай, столица,
Больше песен не поет.

1-4 апреля 2007 г.

Была ты нежною дворянкой
(По мотивам кубанских казачьих песен)

Катился вал войны Гражданской,
Ломая судьбы, города.
Зачем идешь в поля, дворянка,
Гуляет там сама беда?
Гуляют кони вороные,
И сотня пьяная поет.
На груди юные, тугие
Казак усатый упадет.
В тачанке ночью ты проснешься,
Она летит в разгульный край.
И самогонки ты напьешься,
И крикнешь: «Девочка, прощай!»
Тебя в станице Голубицкой
Научат шашкою рубать.
И станешь ты в степях, как птица,
И наземь падать, и взлетать.
Была ты нежною дворянкой,
Теперь сама ты — атаман.
И, как у знатной половчанки,
Есть именной в степи курган.

*1998 г., Кубань,
станция Старотитаровская*

Вечный бой

Отцу — Семену Прокопьевичу Тарханову

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
я сейчас приник.

Там — голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах
близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.

Ты оглянись, отец,
и я запомню
Твои черты,
ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.
Голоса стихают.
Я поднимаю голову —
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.
Мир на земле.

И нету выше блага,
Чем это — слышать небо и траву.
По всей стране
жива отцов отвага,
И потому, наверно, я живу.

М. Н. Довганич, А. С. Тарханов
Ханты-Мансийск, 2004 г.

В Финляндии

У любимого Черного моря, 1998 г.

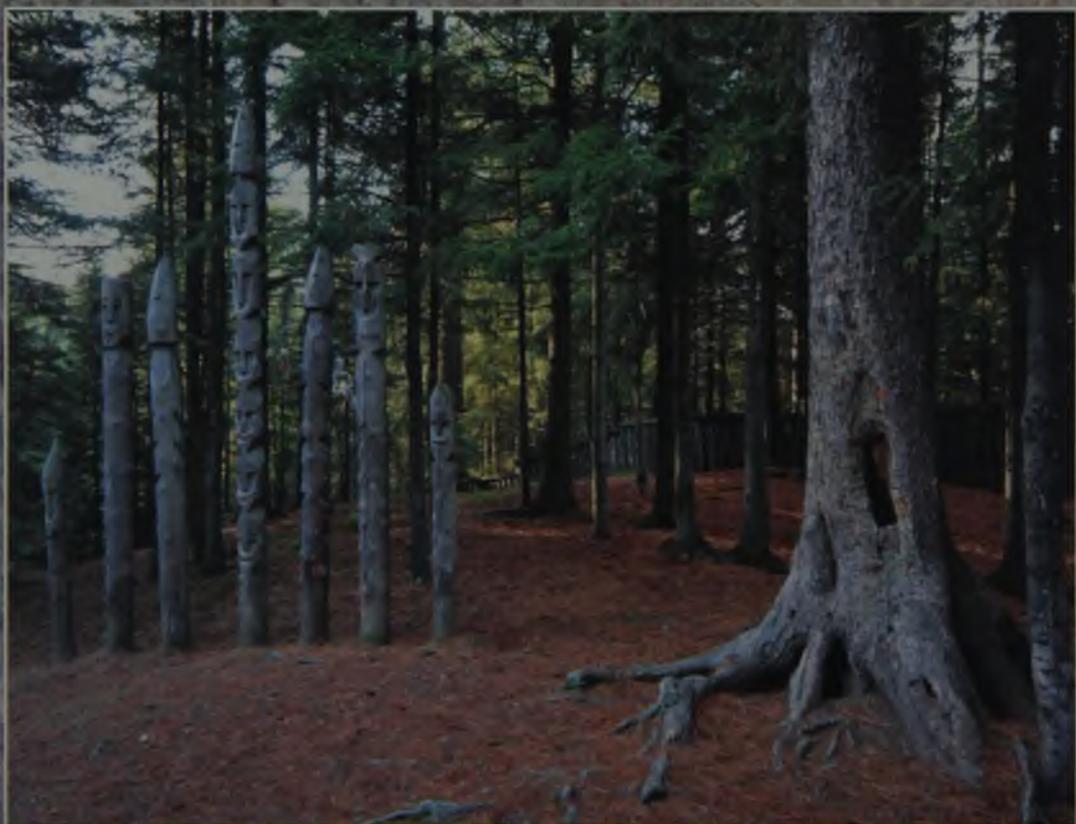
У Азовского моря, 1998 г.

С женой Тоней

Идол на молельной горе Торум-Маа.
Идол охраняет священный кедрач Андрея Тарханова

Река Конда

Я пришел

Обские кручи

Обские просторы. Фото Игоря Дементьева

В Венгрии, г. Эгер

С поэтом Леонидом Сидоровым
в парке возле общежития
Ленинградского пединститута

На литературном вечере в Пыть-Яхе с поэтом Князем Гурбановым (слева)
и хантыйским писателем Еремеем Айпиным, 2006 г.

С хантыйским художником
Геннадием Райшевым

Известный критик Константин Яковлев.
Его статьи о поэзии Андрея Тарханова
общеизвестны

Встреча с поэтом Николаем
Астафьевым (справа) и эвенкским
поэтом Алитетом Немтушкиным,
Ленинград

В родном Ленинграде.
Невский проспект

В станице Старотитаровской. Слева направо: Ю. И. Сердерида, поэт, книгоиздатель; В. И. Лихоносов и А. С. Тарханов. Лето 1996 г.

Дом-музей М. Ю. Лермонтова. Калитка. Хата

Дом-музей М.Ю. Лермонтова. Портрет М.Ю. Лермонтова в форме Таркинского полка. Художник К.А. Горбунов. Акварель, 1941 г.

Если сердце взгрустнет,
если сердце застонет,
Гляну в небо —
в минувшее бы воспарить!
И проснется в душе моей чувство погони,
И скажу я себе:
надо жить! надо жить!

1987 г.

Тропинка и трасса

Грохочет железная трасса
У леса,
стоит он стеной.
В нем дремлет минувшего сказка,
Которая плачет порой.

Приходят железные люди
И сказке грозят топором.
И с хохотом рубят и рубят,
И, пьяные, пляшут потом.

А рядом, за лесом смятенным,
Тропинка в пырее видна.
Из детства бежит она денно,
Восторгу служила она.

Теперь позабыта навеки.
Железные люди по ней
Ходили,
Играли, как дети,
Под крыльями нежных ветвей...

Железная трасса разбойна, —
За деньги, что хошь сотворят.
Значения местного войны
Ночами и днями гремят.

4–5 мая 2006 г.

В том порту

*...И потекли золотые удавы
от фонарей пристани...*

И. Бунин

В том порту вечереет,
и травы
И душисто, и лунно цветут.
В том порту золотые удавы
По дорожкам туманным текут.
В том порту и красивый, и стройный
Человек у прибоя стоит.
И, виденьем своим потрясенный,
За лучистое море глядит.
Ту — в рыданьях гармоник — Россию
Видит он сквозь года наяву:
Этот снег, и парящий, и синий,
Эти тройки и эту Неву.
Видит берег до неба угрюмый,
Видит Пасху в сиянье весны...
Он, Иван Алексеевич Бунин,
До утра не уйдет от волны.

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.
Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он в глубину небес глядит.
Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.
И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

В Пасхальный день

В Пасхальный день, душой обнажены,
Мы встретиться с тобою, друг, должны.
И в синий час на берегу реки
Мы встретились наветам вопреки.
Дай руку мне.

Сначала посмотри
На странный лик над пламенем зари.
Печален он.

Глаза в потоках слез.
Неужто это... Иисус Христос?
Скорбит он каждой клеточкой души:
Земля опутана туманом лжи,
Растет вражда народов и племен.
Спасти бездумных разве в силах он?
А солнце огненное, став на горизонт,
Раскрыло вдруг свой лучезарный зонт.
И грянули кругом колокола.
— Христос воскрес! — молва с небес пришла.
И понял каждый —

братства день настал,
И плача руки в небо простирал.
Пасхальный день, спаси от мук, вражды.
Земля устала. Это знаешь ты.

Красные камни

Как будто красные лисицы,
Лежат с прищуром на восход.
И удивленно кипарисы
Глядят на них который год.
Они из огненной метели
В дымящийся рассвет пришли.
От страха сразу онемели,
Остался в камнях крик души.
Ходили горы в танце страшном,
В пожаре пурпурных зарниц, —
То поднимались в небо важно,
То уходили с ревом вниз.
Однажды гул огня и грома
Родил горячий красный дождь...
Уютно в парке, словно дома,
Сюда ты словно в храм идешь.
Природы сотворенье свято.
Кругом далекой бури след:
Земля багрово-красновата,
И камни сеют красный свет.
Мы нынче знаем их рожденье,
Откуда к нам они пришли.
Смотри в ночи камней свеченье, —
Окаменевший крик души.

*1995 г., Кисловодск,
санаторий «Красные камни»*

Гармония утра

Над камышами желтые туманы,
Оранжевые блики на воде.
Я прихожу сюда утрами рано,
Чтоб поклониться здешней красоте.
Я не один живу сейчас восторгом.
Я вижу глухаря: разинув клюв,
Не шелохнется,

околдован зорькой.

Шлют лебеди признание: клу-клу-клу.
Ты ходишь возле паруса, у лодки,
Меж нами есть волнующая связь.
С твоею и улыбкой, и походкой
Гармония рассвета родилась.
Сегодня мы распахнуты Вселенной —
И небесам, и желтым камышам.
И жить бы нам в любви и удивленье,
Но кто-то злой готовит ссору нам.

* * *

Деянья наши
в траурной кайме, —
В минувшем было много бед и горя:
И миллионы павших на войне,
И миллионы павших от террора.
Об этом нынче шумно говорим.
Но даже после всех ошибок горьких
Нет снова милосердия к живым.
Мы милосердые бережем для мертвых.

Весеннее прозреньё

Йодисто-коричневые шишки
На елях по-апрельски веселы.
И суетливы белочки излишне,
Ощупывая лапками стволы.
И санквалтап¹ настраивает дятел
На вознесенной к небесам сосне.
И хочется любви, твоих объятий,
Твоей улыбки в поле и во сне.
О, если б человек в дурном настрое
Не забывал величия свои! —
Что в этот мир явился он по воле
Небес —
    для всеобъемлющей любви.
Пролейся, свет весеннего прозренья,
На равнодушных, горемычных, злых!
И это станет вечным утешеньем
Для нестихающих тревог моих.

1998 г.

---

¹ Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

Идол и Яков

Живет он в кедраче у Иртыша,
С ним дружат семь таежных страхов.
«Я верю —
есть у идола душа», —
Твердит упрямо старый Яков.

Живет наш идол тихо на яру,
Укрытый ветками от мира.
Нет никакой тропы теперь к нему,
Покинула его былая сила.

Но древний Яков говорит, что он
Зрит идола порой на круче,
Когда Иртыш луною освещен,
Когда в урмане дремлют тучи.

Он, идол, поднимает в небо лик,
Он виден от костра у берега.
И Яков замирает в этот миг,
Он словно видит человека.

Здесь Яков ловит стерлядь в сентябре,
Здесь ждет его всегда удача.
И Яков поклоняется горе,
Где идол для него маячит.

1–7 августа 2007 г.

Берег детства

*В советские времена в местечке Вырица
под Ленинградом был летний лагерь отдыха
для студентов-северян из пединститута
имени Герцена.*

Вы-ри-ца, Вы-ри-ца — птица лесная
С нами ведет разговор.
Озеро, сосны, заря молодая,
И догорает костер.

Рядом поэты Немтушкин, Тарханов,
С ними Володя Санги,
Тырлин Володя и Гындышев Ваня,
И не смолкают стихи.

Звуки нездешние шлет мандолина,
Струнами правит Санги.
Видим Иртыш, берега Сахалина,
Видим оленей тайги.

В лодке катаемся мы, словно дети,
Шутки, залиvistый смех.
Есть возвращение в детство на свете,
Это познали мы все.

Ночь на исходе.
Восток наш пылает.
Слышится в музыке вскрик.
Это из наших сердец улетает
Небом подаренный миг.

Утром уйдем мы на станцию вместе,
Скорые ждут поезда.
И разлетимся из нового детства
В дали свои навсегда.

3–4 февраля 2009 г.

Гонец Востока

Другу-поэту Князю Гурбанову

В печальной мгле луна-фонарь
Оранжевого цвета.
Мой поезд озаряет даль,
Он — движитель рассвета.
С Востока мчится поезд мой
На Запад темный, хмурый.
Леса родимые стеной
Стоят как перед бурей.
Они глядят с надеждой вслед:
Да станет свет желанным!
Смотрите — заалел рассвет,
Ушли с небес туманы.

Восток и Запад — вечный спор:
Кто выше? Кто главнее?
И отвечает Солнца взор:
Восток сейчас мудрее.
Он ищет тайну бытия:
Как можно жить без войн?
С вопросом этим еду я,
Поэт, любви достоин.
Гонец Востока — поезд мой,
Рассвет за мной пылает.
Но неохотно Запад злой
Ворота открывает.
Не верит помыслам святым,
Не верит в дружбу Запад.
Он верит слиткам золотым
И думы в сейфы прячет.
Берлин, Париж...
С трудом пришел
Мой поезд к океану.

Я вижу беспокойный дол,
Тревога неустанна.
Лучи ласкают тихий вал,
Лучи пришли с Востока.
Простор угрюмый воссиял,
Окончена дорога.

1–14 августа 2004 г.

Тобольск — Пыть-Ях

Вечерний Балатон

Колоколов вечерний бой,
Земля и небо в перезвонах.
И цвета ели голубой
Живые воды Балатона.

Нас в небеса сейчас зовет
И музыка, и тучек ярус.
И кажется, что не плывет,
А ввысь летит далекий парус.

И не скрывает в этот миг
Душа восторженного стона.
Задумчив Балатона лик,
Земля и небо в перезвонах.

Не стало в момент половины
Врагов у седого Кремля.
И понял лихой воевода,
И понял святой Питирим,
Что вовремя божья подмога
Пришла как спасение к ним.
Горели кибитки и кони,
Горели жестокость и спесь.
И ринулось войско в погоню
За Бога,
    за Русь
        и за честь.

9–10 января 2004 г.

Синие метели

В Ленинграде — синие метели,
Кажется — сирень кругом цветет.
Баржа от сирени снежной еле
По Неве за катером плывет.
Но река темна, клокочет паром.
Я ее разгневанной люблю.
Самого Петра она видала,
Приглашала на волну свою.
Царь велик.

И страшен, и прекрасен,
Он подобен Богу одному.
Мир его делами озабочен,
Но готов поклоны бить ему.
Это он — и государь, и плотник,
Куст сирени лично посадил...
Кружит снег, сияющий и плотный,
Там, где царь когда-то проходил.
Снег как будто из цветов сирени.
Все поэты города хмельны
От нахлынувшего вдохновенья,
От причуд сегодняшней весны.

*Написано в марте 1960 г. в Ленинграде.
Доработано 24 сентября 2007 г.
в Ханты-Мансийске*

* * *

Лиловы лики скифов грозных
На фоне грозových зарниц.
От этих ликов мне тревожно,
От каменно-угрюмых лиц.

Плыву я пушкинской дорогой
Из Феодосии в Гурзуф.
В оранжевом огне отроги,
И розово мерцает туф.

Сквозь даль я вижу бриг военный.
Был вечер.
Небосвод сиял.
И, молодой и вдохновенный,
Поэт на палубе стоял.

Глядел восторженно Раевский,
Его движения тихи.
Поэт читал Вселенной песни —
Свои волшебные стихи.

И море приутихло странно,
Поголубели небеса.
И скифы — розовые камни —
Открыли слезные глаза.

Они на миг глаза открыли
При свете огненных вершин.
Те слезы навсегда застыли
В канавах каменных морщин.

Плыву я памятной дорогой.
Здесь берег и суров, и крут.
И скифы — каменные боги —
Явленья пушкинского ждут.

* * *

Незабываемое утро —
Горит заря, в огне Туман,
И сердце пламенеет — будто
Душа открыла путь словам.
Лечу над спящею деревней.
Черемухою пахнет лог.
Да кто же я?
Сказитель древний?
А может, юный добрый бог?
Вы спите, люди,
Спите сладко,
Я ваш покой оберегу.
За ваши муки, неполадки
Поплачу я на берегу.
А маме снится сон крикливый, —
За то, что я правдив и смел,
Меня уводят конвоиры,
Меня уводят на расстрел.
Вы спите, люди.
Я, страдая,
Вернусь домой. Услышу я:
— Ты где, мой сын?
— Я здесь, родная,
Я облетел твои края.

Звездочет

За кедром старинным, за речкой,
Степан одиноко живет.
Любуется небом он с печки,
И кличка его — Звездочет.
На печке просторной — полати,
И рядом лучится окно.
Небесных видений отраду
Отшельнику дарит оно.
Он любит веселую Вегу¹,
И манит Капелла его.
А чем еще жить человеку,
Коль нету вокруг никого?
С заречной деревни к Степану
Приходит такой же старик.
При чае беседа настанет,
У каждого — благостный лик.
И... сумерки. Звезд воссиянье.
Степан у окна — как святой.
Телесное гаснет страданье,
Он небу отдался душой.

1 октября 2007 г.

---

¹ Вега, Капелла — северные звезды.

Исповедь маньщика¹

Нет, я от хозяина не уплыву,
И вольного неба не надо.
Резиновый я.

Но, поверь, оживу
От крови крылатого брата.

От зависти можно и ласковым стать,
И щедрым,
на время, конечно.

Мне селезня надо под выстрел послать,
Чтоб стал он, как я же, потешным.

Лети же ко мне в оперенье цветном,
Мой брат, мой вожак и красавец.
Когда упадешь ты с разбитым крылом,
На время уснет моя зависть.

У берега плавает тихо маньщик.
Летит к одинокому стая.
В скрадке притаился охотник-стрелок,
Двустволка гремит огневая.

¹ Маньщик (местное наречие) — резиновая утка.

* * *

Все в прошедшем совершенно.

Надпись на старинном замке в Сигулде

Уже утихли всех ученых споры —
Не могут вечно быть леса щедры.
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.

Они дарили радость и блаженство.
У полноводных и прозрачных рек
Терял свою черту несовершенства —
Терял свою угрюмость человек.

Доспехи скинув, он самозабвенно
Глядел на горы, в небо, в синеву.
И сам себе казался совершенным,
И слезы, слезы падали в траву.

И столько в нем тогда смиренья было,
Что верилось Природе:

вот сейчас

Он меч отбросит —

этот символ силы,

Другая будет править миром власть.

Но снова войнами решал он споры,
Вздымая и мечи, и топоры...
В прошедшем совершенны были горы,
И реки, и сосновые боры.

Скит

Зеленую крышу скита
Не видно в лесу даже птицам.
Зеленые всюду цвета,
Лишь рыжие половицы.
Сухой, словно ветка, старик
Не ходит,

а словно летает.

Он время не замечает,
Он — древней истории лик.
Глаза студены и тихи,
Покой в них давно воцарился,
Он Божьей судьбе покорился,
А руки и ноги крепки.
Чернеют иконы в углах,
И всюду — пахучие травы.
Он знает:

давно в небесах

Все люди, искавшие славы.

А он вот живет.

И, видать,

Ему еще долго светиться,

И силою духа крепиться, —

От Бога ему благодать.

Он схимник.

От мира не надо

Ему ни куска, ни глотка,

Лишь неба нужна красота.

20 декабря 2003 г.

К незнакомке

Дождь.
Не будет просвета на небе сегодня.
Образ нежный, как чайка,
остался вдали.
Ночевал я вчера,
жизнь,
в твоей преисподней,
Чувства жалости к людям туда привели,
В этот мрачный барак.
Но твою, незнакомка,
Красоту
никому, никогда не затмить.
Я пришел —
и запели скворцы мои звонко,
Значит, надо и нам о любви говорить.
Не смущайся,
взгляни хорошо и открыто,
Как с картины Крамского,
ты гордо взгляни,
И проснется в душе всё,
что было забыто,
И закружат тебя
детства светлые дни.
Я пришел.
Так поднимем за встречу бокалы,
Чтоб от тихого звона
качнулись дворцы,
Чтоб не стало бараков
и горькой печали,
Чтоб во сне проклинали себя подлецы...

Что за век!

Хоть пиши по-рублевски иконы:

Космонавты —

в загадочных далях небес.

А на грешной Земле —

и бараки, и зоны...

И растет для великого Здания

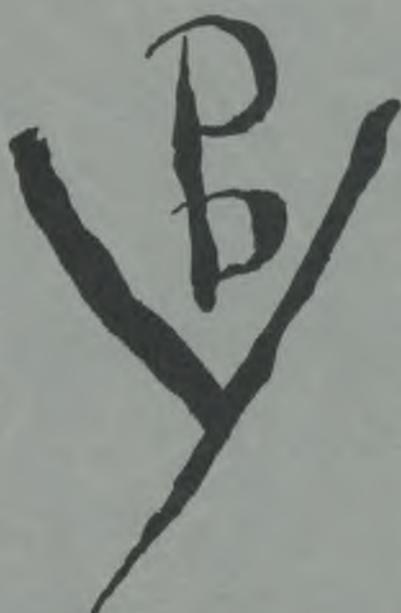
лес.

1978 г.

**Утро
вознесения**

Поэма

От автора

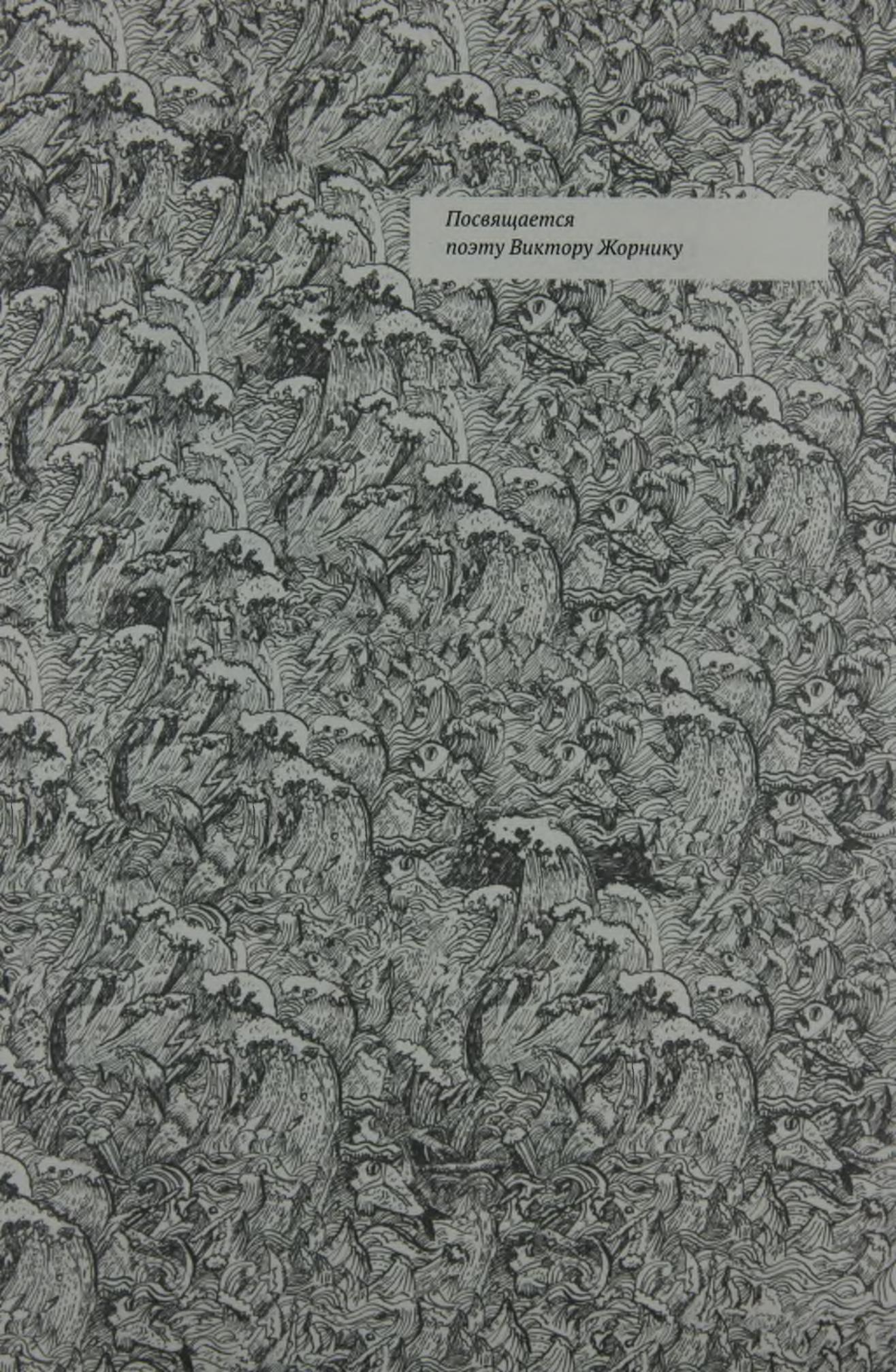
Роль поэта, художника в жизни современного общества — как принципиальный вопрос, как проблема сегодняшнего дня — волнует меня постоянно. Вспомним немеркнущий голос глобального звучания М. Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Эта тревога злободневна всегда. Именно это обстоятельство послужило духовным импульсом к рождению моей новой поэмы, «Утро вознесения».

Чаша моих чувств, образно говоря, переполнилась после поездки в Тамань, в музей Лермонтова, и после ужасного ночного шторма в Анапе, который мне пришлось испытать по воле рока.

Мое обращение к Лермонтову — как к великому поэту и патриоту России — закономерно во всех отношениях. Дело в том, что правители нынешней «демократической системы» всячески принижают общественную роль поэта, художника, выдвигая на первый план двигателем искусства эстрадных шоу-артистов, клоунов-смехачей, мол, пляшите и смейтесь всюду и всегда — и все наши духовные проблемы решатся сами собой. Роковая ошибка! Там, где потерян семейный духовный лад, чувство красоты к жизни, — трагедия неминуема.

Только классические и современные талантливые произведения литературы, искусства и культуры подарят, принесут в души людей вдохновение к жизни, веру в справедливость и торжество светлого разума. Иного пути нет!

*Посвящается
поэту Виктору Жорнику*

*Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

А. Блок

Пролог

Голос Космоса

Несчастный! Ты бухту затишья искал
От горя, страданий и слез?
Среди голубых и оранжевых скал
Ты Храм удовольствий вознес.

В разгуле бездумном проходят часы.
И что тебе горе людей!
Не чуешь, не видишь движенье грозы
По воле бессмертной моей.

И снова бокал наполняют тебе.
И я говорю как судья:
Поэтом назвал я тебя по Судьбе,
Но вижу — ты предал меня.

Позор свой погасишь душевным огнем, —
Прозренье, заблудший, познай.
Застольные звоны заглушит мой гром,
Ты бурю под утро встречай.

Первая глава

Шторм

Я ночью проснулся от рева валов,
Стучал в мое сердце неистовый зов.

«Ты к морю иди!» — грохотало кругом.
Громадные камни разбрасывал гром.

Рыдали деревья и, падая ниц,
Кричали: «Преступник!» — при свете зарниц.

Мой Храм содрогался. Стенали вокруг
Ужасные маски вчерашних подруг.

Мой радужный кубок взлетел к потолку
И... бликами света истек по стеклу.

Не помня себя, — только знала душа, —
Я выбежал в ночь, потрясенно дрожа.

Ударили молнии, белым слепя.
«О, Господи!» — крик проглотил я в себя.

Разумная сила меня подняла
И бросила к дубу, нарочно спасла.

Качалась у кручи земля подо мной.
Я к дубу прижался прощально душой.

Ревела, рычала стихия воды.
Знобило от страшной ее красоты.

От молний пожар во Вселенной пылал,
И, к тучам вздымаясь, накатывал вал.

Шли белые горы, крича на меня,
Малюсенькой пташкой казался им я.

Но, видимо, что-то я значил для них,
Коль нужен был им мой задумчивый стих.

И снова я голос услышал небес:
«Тебе неуютно, наверное, здесь?»

Ты хочешь, конечно, в свой розовый Храм,
К вину и бесстыдным холеным телам?

Но я тебе дам только соли глоток,
На пользу пойдет тебе этот урок.

Я волю даю справедливым громам». —
И с грохотом рухнул мой розовый Храм.

Почудилось —
падаю я между скал...
Вселенский орган рокотал, грохотал...

Очнулся я, видимо, от тишины,
От ласковых звуков прибрежной волны.

И дуб — мой спаситель —
стоит чуть живой.
Лежу я, как прежде, прижавшись душой

К прохладной и пряной от ливней коре.
Явился я заново в мир на заре.

Повсюду обломки деревьев, колонн,
Сквозь трещину в тверди слышался стон.

О, боги! Мой Храм проглотила земля.
А камни — насмешка того бытия.

В одном мы покоя не знали —
Отчизну от бед убережь.
Я вижу — вы ждете совета?
Даю вам: себя не предай.
И страсть к совершенству поэта
От недругов оберегай.
И лжи, и распутства, и лести
Повсюду расставлена сеть.
Нет выше и долга, и чести —
В атаке за Русь умереть.
Ах, память! К минувшему — верность,
Под музыку движется рать...
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...»

Пожар разгорался рассвета,
Сияли огнем небеса.
И поднял я вновь на поэта
Печальные в думе глаза.

Но вижу я рыжую кручу
И краба смешного в воде.
Куда подевался поручик?
Баркас его парусный где?

Какая-то лодка мелькнула,
И в розовом скрылась дыму.
И вспыхнуло тотчас светило,
И горько стоять одному.

По-прежнему празднично небо,
И голос поэта слышать:
«Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать».

Третья глава

Явление Фанагории

О, пыль веков! По ней сейчас хожу.
Наверно, тень минувших дней ищу.
Со мною рядом бродит русский грек.
Он, Сердериди, мудрый человек.
Он любит слушать камни и цветы,
Познал у жизни тайны красоты.
Взяв амфоры округлый черепок,
Сказал: «На дне усох вина глоток.
Кого питал сосуд сей огневой?
Кого он вдохновлял в час роковой?
Оратора? Философа? Жреца,
Имеющего славу мудреца?»
Причудливая вязь ему видна.
Всмотрелся грек и прошептал: «Фа-на...»
Задумался, догадкой осиян:
«От запаха веков я нынче пьян...
Фанагория! — дивная страна...
Нам подарила амфору она!...»
Провидцем стал сегодня русский грек:
Сквозь облака узрел желанный век.

Фанагория

Живет разумно на Земле
Страна Фанагория.
Не золото ценится в жилье,
А мудрых книг стихия.

У власти здесь триумвират —
Поэт, ученый, зодчий.
В делах ответственность и лад,
Бывают споры, впрочем.

Отринув на обочину поэтов, —
Пророков, мол, в России больше нет, —
Забыла власть верховная при этом,
Что перед Богом ей держать ответ.

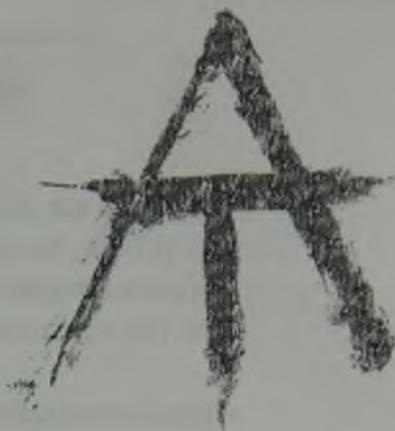
Судьба твоя, Россия, светоносна, —
Идет к тебе
твой страждущий Пророк.
Святой Георгий бой победоносно
Закончит скоро над крестом дорог.

Октябрь 1997 г. — апрель 2001 г.

Анапа — Тамань — станция

Старотитаровская — Ханты-Мансийск

Содержание

Поэзия, идущая в мир. *Статья литературного критика К. Яковлева* 5

ТРЕВОЖНЫЙ ГОЛОС КОСМОСА

«Когда позыв звезды небесной...»	11
Сентябрь	12
Голос Космоса	13
Остров Маргит	14
«Паруса снимает с лодок осень...»	15
«Ковш Медведицы черпает тьму...»	16
В пустыне Регистан	17
Апрельские открытия	18
Певец Хворостовский	19
Признание поэта.	20
Слезы детей	21
Взаимосвязь	22
Слово о друге.	23
«Я всё удивляюсь тебе, моя мама...»	24
«Ты явилась ко мне издалёка...»	25
«Долина нынче оскудела...»	26
Письмо Федору Ивановичу	27
Врач	28
«Цветок цветет в руках у Коли...»	30
Звездный час.	31
Судьба.	32
Полночная душа	33
«Ради новых сомнений живу...»	34
«О, сколько выстраданных слов...»	35

«В центре города роща берез...»	36
Мольба к Богу	37
Явление дамы	38
День боренья	39
Пасхальная ночь	40
Плач неба	41
«От медной тучи...»	43
Исповедь человека, лишённого детства	44
«Ты словно подмороженная птичка...»	45
Деревенские девки	47
Душевный порыв	48
Гармония залива	49
Медвежий амбар	50
Наедине	51
Ночь моря	52
О женском притворстве	53
К новорожденному	54
«И душа с душою говорит...»	55
Этюд из Долины ручьев	56
Дума у спиленного дерева	57
«У железных людей...»	58
Вчерашний раб	59
Явление Нерона	60
Седьмой валун	63
Ночной сторож	64
«Ты читаешь окоём...»	65
Черный ворон	66
Зло	67
«Близ дома Сергея Уклонова...»	68
«К нам из Америки летел торнадо...»	69
Сосновая изба	70
Костер	71
Сенгеп	72
Вечная лиственница	73
Лазоревая суббота	74
Столпник	75
Сумерки марта	76
Песня и парус	77

Сказка, прилетевшая в конверте.	78
«Сосновый бор до стога раскален...»	80
Голос Марса.	81
Несправедливость	83
Тайна скорби	84
Часы сомнений одиноких.	85
«Сегодня ты как луч тиха...»	86
«Нет страшней измены боле...»	87
К скалам Мердвена	88
«Соловей поет...»	90
«Я затворник...»	91
Амбары	92
Студеный апрель.	94
Небесные звуки	95

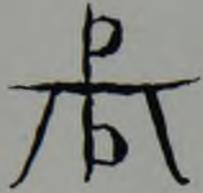
СЕДЫЕ ОСЛУШНИКИ

«Наверно, я парень-рубаха...»	99
Ночной романс.	100
Могилы Толстого	101
Зов неба.	102
«Доверчиво шлет импульсы свои...»	103
Дорога жива	104
«Не приходи сегодня, гений...»	105
Буря и мы.	106
Восточный поезд	107
«Рушит время любое жилье...»	108
В лесу Кисловодска	109
Христос в пустыне.	110
«Стоял у страшной бездны я...»	111
«В предгрозовом тумане вижу...»	112
Шальной снег.	113
И вспомнилось....	114
Плач души	115
И — снова бой	116
Имена	117

«А при луне...»	118
Эльбрус	119
«От порывов живительных ветра...»	120
Шутки Беса	121
Отшельник	122
В пути	123
Голос идущего ребенка	124
Пурга	125
«Я в час мечты кружу над Марсом...»	126
Поплакать надо над собой...»	127
Посланники Христа	128
«Гляжу с тропы...»	134
«Что делать с нежностью души?..»	135
«Я — частица природы летучей...».	139
К тебе, столица	140
Голос поэта	141
Сенькин завод	142
Утро Достоевского	146
Полнолуние	147
Голубые насты	148
Ода украинской капусте	149
Чайка в ночную бурю	151
Жалость.	152
Ослушник.	153
В Хортобадьской степи	154
О странностях людских	155
«Трубят над милым краем трубачи...»	156
«Ночами трепетны леса...»	157
«Небесной манны, видно, ждешь...»	158
Ответ таежника	159
«У нас нет вечности...»	159
К военному летчику	160
Позиция.	161
Впервые.	162
К Неве	163
Осенний человек.	164
Вечный голос.	165
Последний выстрел	167

ВИДЕНИЯ ПРОРОКОВ

Поэт	171
Две деревни	172
«От шелеста трав и до шороха звезд...»	174
Сомнения Весны	175
«Идут по дороге обозы...»	176
На вершине	177
«Щабобный запах кружит подо мною...»	178
«Опять ходил в кедрач туманный...»	179
«Язычник мудрый...»	180
Сегодня	181
Зов Аэлиты	182
В день рожденья	183
«Да здравствует юродивый! Кричи, вещун...»	184
«Неужто я боюсь любви?...»	185
В октябре	186
Ночной разговор	187
Лиственница Меншикова	188
Журавли поют	189
«Над рекою струится дымок...»	190
Видения Отшамова	191
Каравелла в пути	193
Крым	194
Голоса любви	195
К Лермонтову	196
Сестры милосердия	197
Чудотворные дали	199
Гуляет Азовское море	200
После грозы	201
на Черном море	201
«Пророки есть...»	202
Девятый вал	203
Пашня	204
Была ты нежною дворянкой	206
Вечный бой	207
Погоня	208

Тропинка и трасса	210
В том порту.	211
Рерих	212
«Здесь я родился...»	213
В Пасхальный день	214
Красные камни.	215
Гармония утра	216
«Деянья наши в траурной кайме...»	217
Весеннее прозреньё	218
Идол и Яков	220
Берег детства.	221
Тютчев	222
Гонец Востока	223
Вечерний Балатон	225
Толпа	226
Встречное пламя.	227
Синие метели	229
«Лиловы лики скифов грозных...»	230
«Незабываемое утро...»	231
Шторм на Черном море	232
«Кого зовешь ты, птица гоголь?..»	234
Священный кедрач	235
Исповедь маньщика	236
«Сосна у забытой избушки...»	237
Скит	239
К незнакомке.	240
УТРО ВОЗНЕСЕНИЯ. Поэма	244

АНДРЕЙ

ТАРХАНОВ

новые стихи, избранные стихи

Художник А.А. Морозов

Корректор Т.В. Сергеенко
Верстка А.А. Морозов, И.М. Амромин
amromi@mail.ru

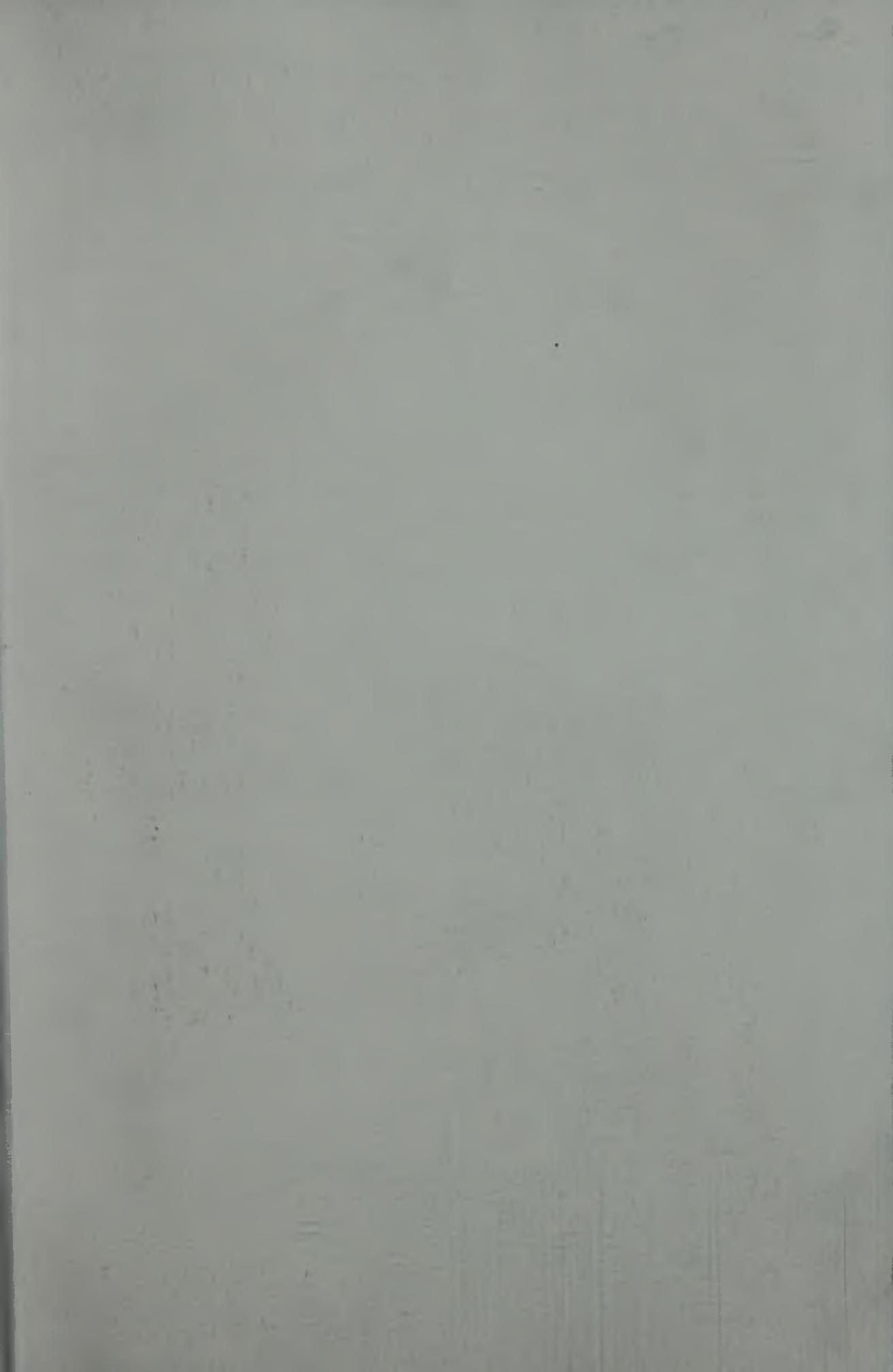
Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 06534, выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 25.08.2011. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 1000 экз. Зак.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

9 785752 909818

© М. Ф. Юров

007262012

Государственная библиотека Югры

Мансийский поэт Андрей Тарханов широко известен не только в России, но и за рубежом. У него вышла 21 книга на разных языках мира. Читателей привлекает музыкальность, своеобразие и свежесть его произведений.

В настоящее время А.С. Тарханов – вице-президент Международной ассоциации финно-угорских писателей.

